

Женский исторический роман

ЛЕВ ЛЮБИТ ЕКАТЕРИНУ

Ольга
ЕЛИСБЕЕВА

Женский исторический роман

Ольга Елисеева
Лев любит Екатерину

«ВЕЧЕ»

2014

Елисеева О. И.

Лев любит Екатерину / О. И. Елисеева — «ВЕЧЕ»,
2014 — (Женский исторический роман)

ISBN 978-5-4444-7456-3

Князь Потемкин возвращается после блистательного завершения турецкой компании в Петербург и устраивает императрице форменный допрос. Почему она не замечает его страсти? Почему, когда рядом он, ищет встречи с другими? Потемкин соглашается помочь выбраться Екатерине из нового политического кризиса, если она тайно обвенчается с ним. После мучительных сомнений, Екатерина соглашается...

ISBN 978-5-4444-7456-3

© Елисеева О. И., 2014
© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Елисеева

Лев любит Екатерину

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2014

© Елисеева О.И., 2013

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Глава 1 Кавалер

Декабрь 1773 года. Царское Село

Одиночество – удел верхолазов. Императрица взобралась на горку и огляделась вокруг. Парк был пуст. После вчерашней оттепели сугробы слегка осели, и голые мокрые ветки казались навешены тушью в стеклянном воздухе.

В городе снег давно превратился в коричневую, вонявшую конским навозом жижу. Здесь же он матово белел даже на плотно утрамбованных дорожках. У самых ног Екатерины начинался накатанный пажамы ледяной спуск. Съехать на прямых ногах было боязно. Но Като не хотела отказывать себе в маленькой шалости.

Убедившись, что вокруг никого нет, императрица подвернула под себя шубу, уселась на дорожку и оттолкнулась руками. Ехать на куньем меху было приятно и быстро. Только у самого подножия ее несколько раз тряхнуло на ледяных ухабах. Сзади раздались торопливые шаги. Като вскочила, чуть не потеряв равновесие. У нее дух захватило при мысли, что кто-то увидит, как она, вытянув ноги, сидит на земле. Но тревога была ложной – на вершине горки появилась графиня Брюс, старая подруга государыни.

– Я тебя все утро ищу! – закричала она, махая муфтой. – Как тебе пришло в голову уйти одной? Все бегают, не знают, что делать?

– Извини, душа, – виновато улыбнулась Екатерина. Неужели ее одинокое блуждание вызвало переполох?

– Прибыл курьер от брата из Силистрии, – сообщила Брюс.

– Да? И что пишет фельдмаршал? – оживилась государыня.

– Будто тебе неизвестно, – поддразнила ее графиня. – Небось донесения Румянцева попадают на твой стол раньше, чем к нам с матерью?

– Есть вещи, которые не передают в донесениях, – нахмурилась Като. – Что за бумажку ты мнешь в муфте?

Прасковья Александровна просияла.

– Пляши. Тебе письмо от твоего верного, молчаливого, доблестного и безнадежно влюбленного рыцаря.

Она выдернула длинный узкий конверт из плотной желтоватой бумаги и высоко задрала руку. Екатерине не составило труда вырвать письмо у графини.

– Твоя простота тебя когда-нибудь погубит, – строго сказала она. – Идем, прогуляемся к озеру.

– Как? – потрясенно выронила Брюс. – Ты не будешь читать сейчас?

– Всеу свое время, – загадочно улыбнулась Като. – Мой верный рыцарь ждал двенадцать лет. Подождет и еще полчаса. Мы дышим воздухом.

Зима 1773 года. Лагерь русской армии на Дунае

– Господин генерал-майор, доставьте нам пропитание на конце вашей шпаги.

Потемкин вздрогнул и поднял глаза. Командующий обращался к нему.

– Провианта в лагере на сутки, – констатировал Румянцев. – Отряды Каплан-Гирея отрезали нас от магазинов. Вашему корпусу вменяется в обязанность отбить хлеб насущный, пока басурмане его не сожрали.

Глаза фельдмаршала смеялись. Этот человек, казалось, был рожден для безвыходных ситуаций. Они его только раззадоривали. Ему ничего не стоило, имея в запасе тридцать тысяч штыков, а против себя – до восьмидесяти, отдать приказание: «Не терпеть скопления

неприятеля». И ведь не терпели! С тысячей сабель ходили против шести. Что там магазейны отбить!

Три года назад новоиспеченному генерал-майору и в голову не пришло возразить Румянцеву, когда тот распорядился форсировать Прут на стремнине, против быстрого течения. Лошади захлебывались пеной, били ногами, не в силах выбраться из донных водоворотов. Впрочем, почти весь отряд Потемкина миновал препятствие, как на экзерциции. А кто утонул – плохой боец.

Гриц только тогда понял, с кем свела его судьба. Прежние командующие – Прозоровский и Голицын – неплохие генералы, с опытом, с пониманием, но... без куражу. Этот же – Везувий. Принимал армию прямо на марше. Пронесся мимо плетущихся полков, обдал пылью, а солдат, словно святой водой окатило.

Потемкин ехал впереди отряда – тогда еще не корпуса – свободно, расслабив спину и повесив голову на грудь. Запорожцы научили его отдыхать в седле. Выходило сносно, только посадка должна быть не манежная, а как у казаков: стремяна покороче, спину повольнее. Он и своих кавалеристов подначил сменить манеру. Кавалергарды мигом переучились на казачий лад, и спали верхами и мочились с седла... Со стороны выглядело почти по-татарски. Начальству не нравилось. Гриц уже огреб пару выговоров, но, видно, упрямство родилось вперед него.

Генерала разбудило громовое «ура», лавиной катившееся от хвоста колонны. С таким неподдельным энтузиазмом наших не заставишь орать даже в атаке, тем более на марше, когда ноги устали, а на языке ни одного слова, кроме матерных. Солдатня и кричала матом, только в крайнем ликовании. Гриц удивленно повернулся к пехотинцам, шедшим параллельно конной колонне:

– Братцы, что это?

– Как что? Дурья твоя башка! Батюшка приехал! Петр Александрович!

– Дождались сердечного! Ура! Ура графу Румянцеву!

– Говорят, он нравом крут? – осторожно спросил Потемкин. Про Румянцева болтали всякое.

– Ох, и жутко же с ним в атаки ходить! – отчего-то в полном восторге отвечал усач-ветеран, явно тянувший лямку еще с Семилетней войны. – Ох, и страшал он нас, ох, и тяжел на руку! Отец родной! Как взглянет, как крикнет, рублем подарит. Не от неприятеля, от него поджилки тряслись! – и пехотинец в неописуемом восхищении снова затянул «ура».

Потемкин так ничего и не понял. «Собака палку любит! – внутренне возмутился он. – Хотят кнута и пряника. Да, чтоб в одной руке».

Кнут не замедлил явиться.

Румянцев мчался по пыльной дороге прямо на кавалеристов и никак не мог миновать отряд Грица. Временами он спешил, подскакивал к какому-нибудь солдату и вопрошал: «Петрович! Ты, что ли? Узнал! Совсем седой, черт!» И они обнимались. Таких Ерофеичей, Кузьмичей и Иванычей набралась уйма. «В третью кампанию уже иду я с тобой, граф Петр Александрович, – разрыдался один ветеран. – Только ты нас, надежда, и умел против пруссаков поставить». «Ничего, батя, – отвечал ему фельдмаршал. – Дай срок, я вас и против турка поставлю. Да мы еще десять кампаний отвоюем!»

Все это выглядело необычно. Прежних командующих служивые так не приветствовали. А те, в свою очередь, панибратства с нижними чинами не поощряли. Впрочем, через минуту Потемкин понял цену панибратства. Фельдмаршал на всем скаку налетел на его отряд.

– Это что такое?! – взвыл он. Глаза его выкатились, точь-в-точь как у покойного государя Петра Великого на чугунном бюсте Растрелли. Губы затряслись. На виске задергалась

синяя жилка. Тяжелые бульдожки брылы дрожали, косматые брови шевелились. Граф был страшен. – Как посмели?! Что за выправка?! Где ваш командир?!

Потемкин предстал пред грозные очи командующего. Сердце у него сжималось. Он не отличался робостью, но фельдмаршал запугал бы и Кощея Бессмертного. Громадного роста, тучный, на мощном першероне, у которого едва пар не валил из ушей, Румянцев подавлял любого.

– Сию минуту всех сгною! Я вам розог! В солдаты пойдете!

Гриц не выдержал:

– Ваше сиятельство, осмелюсь доложить...

– Молчать! Щенок! Набрали калек в армию! Сидеть верхом не умеете, а туда же, турка бить!

Григорий почувствовал, что его заливают холодный гнев. Если он сейчас же не осадит эту наглую скотину, то просто разорвется изнутри.

– Не смейте на меня орать! – рявкнул он. – Извольте обращаться по уставу!

– Да как ты...

Потемкин не слушал.

– Я сам кричать умею! Мои кавалеристы прекрасно обучены! Смогут продемонстрировать любой маневр. Прямо на этой дороге. Надо – сметут телеги и пехоту в кювет. Надо – пройдут из головы колонны в хвост, никого не побеспокоив. Это мы взяли укрепления под Хотин! Это мы отбили полон у Осман-паши...

Он осекся, потому что фельдмаршал, сидел, подбоченясь, и хохотал во все горло.

– Кричать ты умеешь. Это точно, – покатывался он. – Хотин – хорошо. Осман-паша – еще лучше. Но что это за выправка, сынок? Где вас учили?

Потемкин сложил руки рупором и проорал нарочито зычно:

– Слушай мою команду: на манеж! Рысью!

Кавалеристы мигом подтянулись. Спины выпрямились. Ноги пришлось выпростать из стремян – коротковаты для правильной посадки. Лошади, казалось, без всякого понукания перешли на рысь.

– Красиво, – бросил граф. – Почему постоянно так не ездите?

– Для сбережения сил. Люди отдыхают. По-казацки вольнее будет.

– Ладно. Черт с тобой, – фельдмаршал махнул белой пухлой ладонью. – Ишь горластый выискался. Фамилия?

– Григорий Александров сын Потемкин! – отрапортовал Гриц.

Граф раздумчиво пожевал губами.

– Потемкин... А не ты... Да нет, не может быть... Не твой родственник заместителем обер-прокурора Синода служит? – По лицу Румянцева пробежала тень. – Мне здесь кузены столичных шишек не нужны. Награды чужими руками загребать!

– Это я, – смутился Григорий. – Служил в Синоде под началом господина Милиссино. Имею чин камергера при дворе... Но ведь теперь война. Какой Синод?

Граф ошалело мотнул головой. У него в мозгу не укладывалось, что петербургский хлыщ с хлебной должности сиганул в окопы. Зачем? Из каких побуждений? Либо спятил, либо... слишком высоко метит. Скорее, второе. Румянцев повеселел. А парень не промах. Ему нравились такие.

– Небось теперь в генералах ходите? – буркнул он. – В первом же деле проверю. И если что, лишу списочного чина.

Сейчас смешно было об этом вспоминать. «Первые» дела повалили, как груши с дерева. Румянцев воевал зимой. Устав ему не указ. Где вы видите зимние квартиры? В голой степи? Сначала отбейте у турков кров и хлеб, а потом лежите на печи, бока грейте! Таково было его убеждение.

Четвертого января в самый мороз случились Фокшаны. Удила примерзали к лошадиным губам. За голую саблю страшно было взяться рукой. А как пошла писать губерния, так все отогрелись, своей кровью и турецкой. Восемнадцатого января – крепость Браилов пала к ногам взмыленных всадников. Не переседывая, отряд Потемкина совершил рейд на Бухарест и взял по дороге городок Журжу.

Дул пронизывающий февральский ветер, сметая со степи пыльный снег. Лицо распухало от тысяч колких ледяных иголок. Коней валило – такой иной раз налетал шквал. Дымом и отсутствием видимости запомнилась Рябая Могила. Когда вестовой подсказал к Потемкину и передал приказ преследовать бегущего неприятеля, Гриц удивился: «Как? Уже?» – и спросил, в какой стороне турки.

После зимних боев фельдмаршал крепко залюбил Потемкина и выхлопотал для него орден Святой Анны. Летом, как форсировали Прут, генерал получил первого Георгия. При Лагре подтвердил, что не зря награждали. А вот к Кагулу не успел – метнулся в длинный рейд на Измаил и Килию. По пути заглянул в прибрежный городок Цембры, пожег неприятельские суда и вывел с полтысячи христиан, приготовленных к отправке в Стамбул: много рабов, большие барыши... Не будет вам, басурмане, ни пленных, ни денег.

Теперь вот Каплан-Гирей отрезал армию от магазинов, и вся надежда была на кавалеристов Потемкина. Быстро скачут, больно бьют. Авось татары не успеют все галеты понадкусывать.

– Каплан по-турецки «тигр», – бубнил справа от Грица долговязый паренек-переводчик, только что присланный из Коллегии Иностранных дел.

– Один Каплан упал в Лиман, – отозвался Потемкин. – Какие еще рифмы есть?

– Шалман и капудан, – ошалело хлопал глазами переводчик.

– Ну, до капудана нашему не дорасти, – рассмеялся Григорий. – Мы его раньше утопим.

Легко сказать. Корпус Потемкина поредел и не дотягивал до двух тысяч. С пяти тысячным войском Тигра он столкнулся у валашского монастыря Родовозы. По степи на версту тянуло дымом. Не домашним, печным и хлебным, от которого весело на сердце. Другим – прогорклым, полным жирной человечьей копоты. Гриц скосил глаза на своих, многие крепостились. Другие деловито матюгались, вытягивая сабли.

Стены у молдавских монастырей – так, беленая глина. Народ живет бедно. Крыши кроют тростником, полы земляные. По-нашему, хлев. По-здешнему, обитель. Не пойми на что позарились нехристи. А, скорее всего, ни на что. Так, походя, запалили. Чего собак жалеть? Они еще русским начнут провиант возить! И смешнее всего, что не народец местный снабжал армию – ему по нищете нечем – а русские нет-нет да подкидывали волохам пожарить из магазинов. Тоже ведь христиане, дети у них.

Что-то слышал Потемкин про Родовозы. Майор Сатин был там в прошлом месяце. Закон наш, вот и поехали ребята причаститься. Ржали потом неделю, рассказывали, какие молдаване тупые, никак русского языка не понимают. Но главное – сколотили себе крест из здешнего же белого тополя, даже обстругали хреново, весь в занозах. А архимандрит и говорит: этот крест сделан из остатков Животворящего Креста Господнего. Сами же строгаи, и сами поверили. Как дети!

Гриц тогда подумал: хорошо быть такими детьми. По простодушию внидут в Царствие Небесное. А Сатину запретил людей в местные церкви водить. Некрасиво потешаться над чужой бедностью.

Пустив коня рысью, Григорий привстал на стремянах и начал высматривать, нет ли поблизости татарских конников. Их летучие отряды всегда окружали большое турецкое войско, двигались параллельно ему, объезжали окрестности. Нет, уже проскочили. Ушли вперед. Дозорные метнулись к монастырю. Вернулись, едва не сблевывая через узду.

– Не надо, не надо туда! – замахали руками. – Они всю деревню... Не на что там смотреть. Живых нет. Дед один сидит у околицы, плачет.

Нашли деда.

– За что ваших, отец?

Переводчик не понадобился. По-волошски уже многие наострились. Особенно господа офицеры, которые знали французский. Одни корни у слов. Чудно: до Парижа далеко, народ кругом дикий, одевается в дерюгу, а лопочет на романский лад. Потемкин тоже пару раз попробовал – получилось.

– Что тут было? – спросил он строго.

– Хотели иконы пожечь. А наши побежали крест защищать. Все, кто был. Я вот хромой. Так они и их заодно.

Бог ты мой! Гриц провел ладонью по лбу. Ради строганных досок. Ради своей же выдумки. Сошла с ума деревня!

Он велел верховому посадить старика за спиной. Не один монастырь на свете. Найдется, где беднягу оставить. А сам галопом поскакал глянуть пепелище. Может, все-таки кто-то уцелел? Его сопровождало около десятка всадников. Настороженные, злые. Какой бы смешной и бедной ни была обитель, а все-таки своя, и глумились здесь не над дикарями-волохами – над единоверцами. Потому и убили всех.

Проехали под обугленной аркой ворот. Вокруг – мамеево побоище. Люди вповалку, порубленные, потоптанные лошадьми. Резные двери в храм – единственная красивая вещь – выбиты. Потемкин хотел спешиться. Ребята удержали.

– Я что, татарин, на коне в церковь въезжать? – плюнул, слез, перекрестился. Жутко стало стоять на земле среди мертвых тел. Наступил на створки. Под ногами выпуклые виноградные грозди, ангелы с трубой. «Что же вы, братцы, не дунули в срок? Мы недалеко были, могли бы поспеть...»

Гриц вытащил из кармана платок, когда-то белый и когда-то шелковый. Закрыв лицо и переступил порог. Сгорело все. Да и чему было гореть? Даже глина стен пошла глубокими трещинами. Не осталось ни единого угла, который не облизали бы жадные языки. Потемкин глянул в алтарь. До креста огонь не добрался. Прихожане завалили его собственными телами. Генерал наклонился и не без труда поднял грубо сколоченные доски. Как были, в сучьях и зазубринах от плохого рубанка.

– Эй, Сатин, этот крест?

– Он, ваше благородие.

– Надо бы с собой забрать.

Жутко было переступать через обугленные тела. Лежали и женщины, и дети в рубашонках, обгоревших, как кора дерева.

– Поехали, – Гриц махнул рукой. – Есть у нас еще дело до одного Тигра.

Пять тысяч – не шутка. И все же после Родовозов кавалеристы озверели. Заметив издали длинную вереницу телег, стада быков и конские табуны, Потемкин понял, что посреди этого хаоса движется вражеская конница. Идет не быстро, отяжелела от добычи. С ними пешие – полон. Где взяли в разоренной степи, бог весть.

Генерал-майор отдал приказание разделиться на отряды. По ближайшей балке пройти параллельно неприятелю. Отрезать обоз с невольниками и скотиной, чтоб не мешались под ногами. И ударить кучно. Лучше всего действовали, как всегда, казаки. Атаман Павел Головатой с двумя сотнями человек варварским, но изящным маневром отсек хвост турецкой змее. Выскочил из-за кургана и с гиканьем начал теснить полон назад.

– Стоять! Стоять! Куда прете! Скотину держи! Разбежится!

Люди настолько отупели, что не сразу поняли, где наши. А, поняв, не знали, что делать. Попадали на землю, закрыли головы руками, завывали. Боялись, что в суматохе потопчут их и

ребятишек. Потемкин этого тоже боялся. Но Головатый оцепил полон и отрядил с полсотни казаков сгонять разбредшийся по степи скот.

Действовали так, будто и не сомневались в победе. Между тем кавалеристы ударили на врага, и завязалась страшная свистопляска. Вот вам Родовозы, вот вам тополиные кресты, вот пленные, вот коровы... а вот смерть с косой в образе чубатого запорожца или усатого драгуна. Никогда не считал Потемкин турецких конников слабыми противниками, правда, и не равнял с янычарами. Янычар в войске Каплан-Гирея не было. И это решило если не само дело, то скорость развязки. После яростного часового боя турки побежали. Больше половины остались на земле. Генерал-майор махнул рукой, выдвигая казаков на преследование, а своим велел перестраиваться и догонять Головатого. Мало ли что еще басурмане выкинут. На переправе через Олту запорожцы порешили остальных. Лишь маленький отряд с бунчуком успел переплыть, а в самом центре, под защитой горстки татарских конников – Каплан на белом, как пена, жеребце.

Но на этот случай у Потемкина в корпусе имелось подкрепление башкирских лучников. Как в Ноевом Ковчеге, всякой твари по паре. Подозвав одного из них, генерал спросил:

– Видишь того, в синем халате, с золоченой саблей? Снимешь его?

Башкир, не отвечая, прищурился, оттянул тетиву до уха и разжал пальцы. Секунду спустя Каплан застыл с поднятой рукой и грянулся с седла лицом в воду.

– Прямо в глаз! – восхитился майор Сатин.

– Зачем же в глаз? – с неодобрением произнес Потемкин. Ему, по причине собственной кривизны, все связанное со зрением, казалось неприятным.

– Халата пожалел, – башкир радостно осклабился щербатым ртом. – Если выловим, господин начальник, отдашь мне?

– Возьмешь и саблю в золоте, если приведешь коня.

Башкир засвистел своим, показывая на реку. Гриц обернулся к переводчику, все это время скакавшему подле него.

– Я же тебе говорил, что Тигры не плавают.

Полон был большой и разношерстный. Однако не волошский, сразу видно по платью. Вернее, по его остаткам. Женщин, как водится, больше, чем мужчин. Дети – не выше тележного колеса с матерями, остальные отдельной группой, продаваться будут без родителей.

– Насортировали уже! – в сердцах плюнул Головатый. – Нехристи. Тикайте, робята, до мамок, у кого найдутся.

Нашлись не у всех. Иные потерянно бродили среди пленников, выкликая родные имена.

– Дяденька, – кто-то подергал Потемкина за стремя. Генерал обернулся. Внизу стоял мальчик лет восьми, ветер шевелил его грязные белые волосы. – Моих нет. Померли дорогой. – Он серьезно смотрел на Грица, от него ожидая решения своей участи. – Я побираться не хочу. Я дюже умелый. Я вам коня буду чистить, рубахи штопать. Возьмите меня с собой.

– Тебя как звать?

– Федором.

– Ступай, Федя к нашим, – генерал махнул рукой в сторону коников. – Кто-нибудь посадит тебя на круп. А там разберемся.

Мальчишка побежал к кавалергардам, сверкая угольно-черными пятками, ветер раздувал на нем рубаху пузырем.

– Я гляжу, вы русские? – с удивлением спросил Гриц одного мужичка, обеими руками сгребавшего вокруг себя мелюзгу: «До кучи, детки, до кучи!»

– Известно, не агаряне, – отвечал тот по-книжному. – С-под Елисаветграда идем. Есть еще из Бахмута. Новосербские мы, ваше благородие. Вот моя деревня, Семь Колодезей, одни ребятишки остались. Священник я тамошний. Отец Михаил.

Потемкин спрыгнул с коня, преклонил колени, сложил руки.

– Честный отче, благословите.

Поп порылся под рубахой, снял с шеи нательный крест на грязной шелковой нитке и, как положено, несколько раз осенил генерал-майора.

– Храни тебя Бог, голубчик. Что же теперь с нами будет?

– На нашу сторону пойдете, – ответил Гриц, вставая. – У Бендер христиан собирают и под охраной переправляют обратно в Новую Сербию. В Елисаветграде приют, госпитали. Магазины полны. Не голодают, в общем. В Бахмут не ходите. Сожгли его.

Священник горестно покачал головой.

– Ну, помогай тебе Бог, сынок. Буду молиться.

Они расстались, и Потемкин поехал вдоль обоза, табором, развалившегося посреди дороги. Спасибо запорожцы всегда знали, как обиходить отбитое у нехристей добро. Уже и быков сгоняли потеснее, вокруг лошадей щелкали бичами, поправляли тележные колеса. Вот он провиант – на конце шпаги.

– Ваше высокоблагородие, – подскочил Сатин. – У одной подводы наши француза взяли.

– Какого француза? – не понял Гриц. – Где мы, где Париж? Откуда он здесь?

– От Святого Духа! – огрызнулся майор. – Мне почем знать? Говорю, француз. Сами посмотрите.

Пришлось посмотреть. И даже убедиться в майорской правде. Длинный, как оглобля, господин в белой форме – это в здешней-то грязи – без знаков различия сидел у телеги на перевернутом колесе, а казаки кружили вокруг него на конях и с безопасного расстояния тыкали пиками. Не сильно, а как лиса ежа лапой. Это еще что за чучело?

– Кончай дурить, ребята! – окоротил их атаман.

– Кто вы и как сюда попали? – обратился Потемкин к незнакомцу по-французски.

– О! – возопил тот с таким облегчением, будто ему открылись врата в рай. – Вы офицер? Европейец? Я счастлив.

– Я генерал-майор Потемкин, – представился Гриц. – Прошу вас назвать свое имя.

– Русский, – опечалился пленный. – А у вас такой хороший выговор, я подумал, возможно, вы... волонтер из Европы.

– Нет, я варвар. – Гриц начинал терять терпение. – В третий раз прошу вас назваться.

– Тысяча извинений, мой храбрый победитель. – На лице француза продолжала играть непринужденная улыбка, точно они встретились в парижском салоне, а не посреди чиста поля. – Я барон де Тотт, представитель Его Христианнейшего Величества при армии султана Мустафы III. Турки ведь наши союзники, вы знаете, – как само собой разумеющееся обронил он. – Каплан-Гирей разбит? Печальный конец всех завоевателей. Я сдаюсь в плен. Попрошу зафиксировать где-нибудь, что я не оказал сопротивления и имею право сохранить дипломатический багаж. А то эти дикари... – француз покосился на запорожцев.

– У вас нет никаких прав, – спокойно заметил Потемкин.

– Но я военнопленный!

– Вы среди дикарей.

Гриц спешил и полез в телегу. Она представляла собой походную канцелярию. На полу стояла пара сундуков, по-видимому, с дипломатическим багажом. Вскрыв их, Потемкин убедился в правильности своей догадки. «Удачно получилось, – думал он, разворачивая рулоны скрученных в трубку донесений, пробегая пальцами по плотным картонкам шифровальных кодов, вороша тетради с путевыми заметками. – То-то будет в штабе, чем заняться!» Его внимание привлек один из черновиков. Судя по дате, последнее донесение. Вероятно, уже отправлено. Интересно, что пишут в Париж из нашей глухомани?

Потемкин начал читать, и через минуту кровь бросилась ему в лицо.

– Шо вин каже? – с любопытством осведомился Головатый.

– Перевести?

Атаман кивнул.

– «До десятка невольников, три-четыре отары овец, двадцать волов, табун лошадей – добыча одного татарского воина. Что за прекрасное зрелище! Головы детей выглядывают из мешка, подвешенного к седлу. Молодая девушка сидит впереди всадника, мать на крупе, отец на одной из заводных лошадей, сын на другой. Скот впереди, – все идет и не сбивается с пути под бдительным оком хозяина. Колония, цветущее состояние которой угрожало интересам Вашего Величества на Босфоре, разорена».

Потемкин медленно поднял глаза на де Тотта. Взгляд его был тяжел, и француз поежился.

– Скажите, господин барон, – процедил Гриц, – чем все эти люди, – он махнул рукой в сторону пленных, – помешали интересам Его Величества?

Де Тотт вжал голову в плечи. Вероятно, в его багаже можно было найти много чего похлеще.

– Ну и шо з ним робить? – Головатый задумчиво мял носком сапога ком земли.

– У степ! – заорали запорожцы, крутившиеся вокруг на лошадях.

Атаман поднял на генерал-майора вопросительный взгляд. Тот молчал. Он имел право казнить любого пленника, если речь шла о татарине или турке. Но дипломатический представитель европейской державы – птица иного полета. Таких обычно задерживали, долго допрашивали, а потом предъявляли на очередной мирной конференции. Мол, вот, поглядите, Версаль тайно поддерживает наших врагов, а еще смеет предлагать посредничество! Петербургские чиновники обожали изображать обиженных. Но захваченные дипломаты, дорвавшись до конференции, начинали обвинять русских во всех смертных грехах. Звери, варвары, чума Европы! В прошлом году в Фокшанах Потемкин насмотрелся на целую свору баронов де Тоттов, запрещающую туркам заключать мир.

Гриц пожевал травинку и сплюнул.

– Вешать, так вешать, – сказал он.

– Как вешать? – не понял Сатин.

– Высоко и коротко.

Казаки завернули барону руки за спину. Генерал-майор не стал смотреть, как они запихали де Тотту кусок бумаги в рот – то самое скомканное донесение, которое выпало у него на землю. Потом подтащили к ближайшей кривой иве на берегу Олты, посадили верхом, подвели коня под толстую ветку, накинули на шею веревку и с гиканьем ударили нагайкой по лошадиному крупу.

– У степ, – про себя повторил Григорий. Губы его сжались в жесткую складку. – В степь.

Вечером генерала пригласили в палатку командующего. «Уже донесли. – Потемкин чертыхнулся. – Что за народ?»

Румянцев сидел за раскладным походным столиком и двигал по доске шахматные фигурки.

– Научили бы вы меня, Григорий Александрович, играть, – обратился он к вошедшему. Вид фельдмаршал имел довольный, сразу ясно – сытый. – Вашими молитвами сегодня весь лагерь ложится спать не на пустой желудок.

– Рад стараться.

Румянцев указал на стул.

– Не понятно мне, почему одни фигуры ходят так, а иные по-другому. Есть которые и через клетки перепрыгивают. Эти на вас похожи. А есть, которые из пешек могут пробиться в ферзи. Эти – на меня. Я старый барбос. Давно служу. Но такого самоуправства, как с вашей стороны, под моей командой еще никто себе не позволял.

Судя по голосу, фельдмаршал даже не сердился. Он размышлял вслух.

– То ли я сдаю? То ли вы сударь – птица неведомой мне породы.

Потемкин молчал. Что ему было говорить? Теперь, охолонув, он думал, не погорячился ли с французом? Надо было его чин чином вести в лагерь, снимать показания, тащить на переговоры, а потом слушать рассказы барона о зверствах русских... Гриц почувствовал, как снова начинает закипать.

– Вы что же, прямо так его и повесили? – с нескрываемым интересом спросил Румянцев.

Потемкин кивнул.

– Дипломата?

Снова кивок.

Долгий, долгий вздох старика.

– Ну и правильно сделали.

Глава 2

«И будете, как звери степные»

Осень 1773 года. Оренбургская губерния

Крепостица с кулачок. Взяли наскоком. Комендант не успел даже из постели выпрыгнуть. Вытащили его во двор уже без рубашки. Жену, полоумную от страха, – за косы. И по рукам. Хороша, бабенка! Пугливая, мягкая, как белая телочка перед мясником.

Казачи шарились по дому, а с улицы гремел набат с единственной колокольни, как боталом о ведро. Тащили из подклети сундуки, рубили саблями крышки в надежде разжиться крепостной казной рублей на двадцать.

Молодой комендант все оглядывался через плечо, искал глазами жену. Пока не огуляли нагайкой по ребрам. Не твоя это теперь забота, парень! Смотри вперед!

На приступочке у церкви сам Емельян Иванович. Шапка до бровей, глаза шалые.

Гарнизон – девять инвалидов. Кроме коменданта, вешать некого. Уже и священник здесь с крестом, и староста с амбарной книгой. Присягайте, люди, государю Петру Федоровичу! А не то жердина у колодца высоко в небо метит. Как на качелях подкинем, до Самого Господа!

На минуту стало тихо. Даже казаки перестали щипать баб. Только башкиры, слышно, возились с замками в амбар, да с тревожным свистом стреляли по курам – им что, нехристям?

Остальные сгрудились, придвинулись, смотрят на коменданта. Он длинный, белобрысый, лицо правильное и очень бледное. Не любит Емельян Иванович таких чистых.

– Ребята, мордой его!

Тут же коменданта схватили за волосы и в растоптанный снег пополам с глиной у ног Его Императорского Величества. Уважай, сука, царя-батюшку!

– Любо мне, что ты меня не боишься, – молвил Самозванец, поднимаясь. Шубу плечом стряхнул, остался в одном лазоревом кафтане с красным подбоем. Пусть все видят: государю мороз не страшен. Да и что тут за мороз в крепости? Другое дело в лесу, в степи.

– Здешний народец на тебя обид не держит, – продолжал Злодей. – А пойдика ты ко мне в полковники. Солдатушки из крепостей набежали, командовать ими некому. Мои-то казачки только нагайкой и умеют махать.

Комендант молчал. Смотрел перед собой. Из расквашенного носа на губу бежала кровь. Он ее сглотнул, подавился.

– А я тебя приголублю, – посмеивался Самозванец. – Награжу. Хочешь, сейчас в шапку колец насыплю? Жену отдам?

Вытолкнули к приступочке комендантскую бабенку. В длинной, запачканной землей рубахе, которую она силилась свести руками на груди, да больно большой клочок вырван – не прикрыться.

Горше смерти показалась коменданту такая милость.

– Злодей ты, – выплюнул он под ноги вместе с кровью. – Знаешь, что мало нас, вот и куражишься. А как придут полки, на какой осине аллилуйя запоешь?

Пугачев похмыкал, бровь изогнул, на комендантскую жонку покосился. Хороша, резвая кобылка. Чистых кровей. Не то что неумытые казачки.

– Ну что ж, твоя взяла, – сказал он, ударив себя по коленям. – Не хочешь ни жизни, ни жены. Ни того, ни другого не получишь.

И пока казаки крепко держали бьющегося коменданта, снял Вор широкий кушак, подступился к крале и прямо тут, у церкви на приступочке, взял ее, онемевшую от ужаса, досады, что с перепугу сердечной ноги свело.

Страшно кричал комендант. И совсем не многие смеялись в толпе. Только пришедшим и было весело. Каков у них атаман! Каков государь-заступник! Сила в его корне – на десятиерых хватит!

Лишь тогда ожила девка, когда коменданта потащили веревкой наверх, под самые небеса. Лежа на спине, смотрела на его дергающиеся сапоги. А над ней наклонялись воровские хари: «Хочешь еще?» И затыкали крик обратно в рот.

После того как крепостицу зажгли, Самозванец осведомился, как она называлась. Ниже-Озерная. А коменданта фамилия Харлов. Жонка же его – Лизавета.

Бабочка ему приглянулась. Грозным рыком отогнал от нее свою сволочь. Велел руки связать, накинуть на плечи овчинный тулуп и вести среди пленных. А прежнюю свою любовницу, вдову майора Веловского из Рассыпной, приказал удавить, чтоб не мешалась под ногами.

Дальше прямой злодейский тракт пролегал на крепость Татищеву, где комендантствовал отец Лизы полковник Елагин, а при нем мать Аграфена Семеновна, да семилетний брат Егорка, да полуслепая тетка.

Полковник не знал о судьбе зятя и дочери до тех пор, пока казаки не стали, как флаг, размахивать шестом с кожей мертвого Харлова. А потом не подвезли под стены Лизу, сидевшую на кобыле лицом к хвосту, что, по их воровскому разумению, неоспоримо свидетельствовало об ее бесчестии.

– Сдавайтесь! Сам государь здесь! – кричали они.

В ответ с насыпи недружно плюнули огнем пушки. Одно ядро полетело к лесу. Другое попало есаулову коню под ноги, завертелось, пуская дымы, и стухло, не разорвавшись.

Среди осаждающих поднялся хохот.

– Батюшка, не открывайте ворота! – крикнула Лиза. – Они все равно всех убьют!

Молодой чернявый есаул оходил ее нагайкой и, подхватив кобылу под уздцы, погнал обратно в стан мятежников. В это время с задней стороны крепости запылали скирды сена, подожженные башкирами. Огонь перекинулся на деревянную стену, солдаты побежали тушить, а Самозванец не замедлил ударить из трофейных пушек по воротам. Створки рухнули. Навстречу нападавшим вырвался отряд крепостных казаков, которые немедленно переметнулись на сторону Злодея.

– Любо! Любо! – кричали они. – У нашего Батюшки вина много!

Начался грабеж. Солдат без особого сопротивления повязали и привели пред ясны очи государя Петра Федоровича. Тот, по своему обыкновению, залез на церковную паперть. Из комендантского дома вынесли широчайшее кресло, обитое тертым бархатом, выдавшее виды, разошедшееся, но кое-где сохранившее позолоту.

На этом-то кресле матушка, бывало, качала Егорку. На этом-то кресле Лизу поцеловал впервые муж. На него-то ныне взгромоздился Злодей. Справа встал казак с булавою, слева башкир – с серебряным топором. Подводимых к Пугачеву тыкали головой в землю, а затем, в зависимости от суда, либо волокли к виселице, ладно пристроенной тут же под церковной застрехой, либо позволяли целовать ручку.

– Злая у вас крепость, – молвил Самозванец толпе. – Долгонько мне, своему законному государю, не открывали!

Жители попадали на колени. Бабы стали подвывать, мужики валить все на начальство. Несколько солдат и башкир, державших сторону коменданта, Пугачев приказал вывести в поле и расстрелять. Офицеров всех повесить. Вместе со стариком Елагиным до последнего дрался бригадир барон фон Биллов, продолжавший выкрикивать немецкие ругательства, пока ему не снесли шашкой голову.

– Сколько же басурманов на русскую шею! – рассмеялся Злодей, показывая ровные белые зубы. – Немчуры пропасть!

Народ одобрительно загудел.

– А ты навел на нас татарву да башкир-кровопийц! – не стал молчать полковник.

– Эй, дядя, – оборвал его Пугачев, – не я, а ты от крови отяжелел, как бурдюк. Скоро в ворота не пройдешь! Облегчите-ка его, ребята!

Казаки кинулись исполнять приказ. Но Лиза повалилась в ноги Самозванцу, прося за родных. Уже и мать ее, комендантшу, привели на паперть, и Егорку сами же бабы выпихнули из гурьбы чумазных детей – боязно за своих, чтобы чужого прятать. Только полуслепая тетка затерялась где-то, ее счастье.

– Ну, выбирай! – широким жестом Самозванец обвел пленных. – Одного, ради твоей красоты, пощажу. Щедрый дар, не зевай, девка!

Холодом повело у Лизы по губам и подумалось, что сейчас грянется она оземь, не снеся царской милости. А комендант с комендантшей подтолкнули Егорку в спину, мол, мы пожили, дочка, забирай брата. Мальчик ткнулся головой в церковные ступеньки, прижался к ногам сестры, зыркнул волчьими глазенками вокруг, всех ли запомнил?

Дробью раскатился барабан. Полковника потащили к колодцу да там же и освежевали. Бросили еще живого в снег, чего возиться? Дико закричала Аграфена Семеновна, рванулась к мужу – налетела на башкирскую саблю.

Так и остались брат и сестра стоять, обнявшись, на паперти. Вчера она была вдова, а сегодня оба – сироты.

Пьют-гуляют Воскресенский и Авзяно-Петровский заводы. Плачет Усть-Катавский. Грозно молчит Богоявленский. Ждет вестей.

А вести одна другой страшней и утешительней. Нет поблизости господ Твердышевых, Мясниковых и Демидовых. Нет горного начальства из Бергколлегии. На сто верст вокруг не сыскать регулярных войск. Разве только офицеры по заставам. Да неверные, переметающиеся со стороны на сторону казаки. Да башкиры, легкие на ногу, как волки.

С виду мертвая земля гудела, полнилась, наливалась слухами. Они бежали ручьями из-под снега. Трещали сухим камышом по займищам. Гулко били подковами по мерзлой дороге.

– Идет! Идет! Объявился! Доподлинно известно, что государь. Что на груди у него царские знаки. Что десять лет был в сокрытии, бродил по Руси, хлебнул лиха, насмотрелся горюшка. А ныне объявился среди казаков. Собрал народ и принял полную мочь. Шлет указы, чтобы пособили ему и заводские, и солдаты, и иноверцы. Всех к себе зовет и жалует землей, лесами, реками, покосами и рыбными ловами. Уже многие крепости ему покорились. Подступает кормилец к Уфе и Оренбургу. Пора бы и нам, сиволапым, к нему прилепиться.

Мужики Воскресенского завода отрядили в Оренбург Емельку Рыжикова поразведать, что там за дела. Рыжиков вернулся через день, да как ударил в набат на колокольне, да как гаркнул:

– У меня манифесты царя-батюшки Петра Федоровича!

Да как начал их наизусть тараторить, читать-то он не обучен. Только видел в низу листа императорскую печать – вроде, человек в венке – из перевернутой монеты сделана, и несумнительна ему была та бумага. Каких вам еще доказательств? Сам великий государь руку приложил!

Народ качал головами, дивился. Не далековато ли надёжа забежал? В наших-то краях царей отродясь не водилось. В это время на площадь перед приказной избой явились тринадцать человек из Каргалинских медных рудников под командой углежога Алехи Уварова. Все с ружьями, и давай палить в белый свет, как в копеечку.

– Государь под Оренбургом бьется! А вы здесь лапу сосете! Айда к нему!

И перво-наперво, конечно, в приказной избе дверь сломали. Выволокли расходчика Петра Лебедкова и надзирателя Василия Макшанцева.

– Вот вы где, ироды! Попили нашей кровушки!

Но убивать не стали, увезли с собой. Пусть царь решает, что с ними, нехристями, делать. А заводской сторож Афанасий Евдокимов успел схорониться у себя на огородах и утечь в лес. Он третьего дня по наказу расходчика ездил до Сакмарского городка «для усмотрения злодейских поступков». Усмотрел при въезде шесть виселиц. Поворотил назад и теперь точно знал, чем государь встречает лукавых холопов. Не видаться ему больше ни с Лебедковым, ни с Мокшанцевым.

Каргалинские рудокопы обшарили завод, забрали ружья, свинец, порох и четыре пушки. А, выехавши за ворота, угнали стадо из пятидесяти быков. Это сильно мужикам не понравилось, и многие, уже готовые присоединиться к злодейской шайке, повернули домой.

Однако уже на другой день прискакал на завод отряд из семидесяти башкирских конников. А с ними Рыжиков и Уваров, еще дурнее, чем вчера. И учинили настоящий разгром. Подогнали подводы, грузили пушки, порох, серебряную посуду из дома господина Твердышева и денег тысяч до тридцати.

На всем заводе нашелся один прапорщик иноверец Кулалбаев, бывший проездом в Оренбург. Вздумал было саблей махать, но его успокоили поленом по голове, потом заволокли в приказную избу и запалили с четырех углов. Нечего на рожон лезть!

После такого дела крестьяне уже побоялись оставаться в заводе, и все, сколько было, ушли с башкирами, побросав баб. Но опять же с дороги многие вернулись. Беспокойно стало хозяйство оставлять.

Не так вышло на Авзяно-Петровском у господина Демидова. Прослышав о делах в Воскресенском, отправились под Оренбург мужиков человек сорок проверить: с чего заваруха началась? На другой день они вернулись с башкирами и под предводительством восьми казаков с атаманом.

Увидав такую шайку, звонарь ударил в сполох. Да пара казаков мигом сбросила его с колокольни. Чего зря колотить? Чай, не разбойники приехали – государевы люди.

Священника отца Никадима вывели под белые руки из церкви и на паперти угостили нагайкой за чтение прихожанам манифеста блудной царицы Катерины, где надежда именовался самозванцем. После чего атаман начал читать народу правильный манифест от Петра Федоровича. Но не дочел, махнул рукой:

– С вас довольно. Титул царский слышали? Чего еще?

И велел приказчиков, конторщиков и прочих служителей взять, заковать в железа и держать под караулом. После чего спросил мужиков, кто желает в казаки. Записавшихся к нему в шайку послал в господский дом ломать двери и ставни, брать демидовские ружья, выводить из конюшни лошадей. А что случится в комнатах ценное, подавать через окна на улицу. Потому что дом надлежит сжечь. Как и завод.

Мужики завода зажалели. Вместе с ним погорят и их халупы. Куда бабам с ребятишками под зиму идти? Но атаман успокоил:

– У батюшки-царя всего много!

Завод жечь покамест не стали, на нем еще можно пушки лить. А вот дом ободрали как липку. Тканые обои, ковры, мебелишку барскую, посуду – половину переколотили, пока кидали за окно – все ушло, будто на своих ногах, и сиротливо притулилось по курным избам промеж овец и сопливых деток.

Ружья – особая статья. Их в доме больше сотни. Барин собирал, ценил. Все разные. Есть и басурманские – персидские, турецкие – с камнями на прикладе, с костяными резными вставками, с перламутровыми и черепаховыми накладками. Другие совсем чудные – с широким стволом, а на конце раструб, как у горна. Нашлись еще такие большие, что к ним нужна особая подставка. Иные, когда стреляют, жалобно пищат, будто им, сердечным, больно.

Всем этим барским великолепием оделил атаман новопокрученных казаков, выдал каждому по лошади и расставил на ночь караулом вокруг завода. Да мужики с непривычки заснули. Виданное ли дело в темноте верхом за околицей шастать? Того и гляди, коняги седоков на землю сронят, а себе ноги переломают. Казаки – народ шальной, без царя в голове. Даром что первые к Петру Федоровичу пристали, первые и отколются. Их повадок простому человеку не перенять. Всякий знает, от сотворения мира ночью положен сон. Вот и залегли.

Между тем атаман – вот ведь неугомонный – велел взломать двери в заводской питейный дом, соляные амбары и господские хлебные магазины. Пошла потеха. Мужики, конечно, норовили за вином. А бабы с мешками ринулись за солью и мукой. Брали безденежно и выгребли подчистую.

В суматохе на крыльцо дома вышла барская мамка с младенцем на руках. И как Демидов свое дитя здесь бросил? Атаман подступил к ней и трижды похристосовал нагайкой: откуда, мол, взялась? Та сказалась нянькой, и бить ее перестали. Про ребенка же совсем забыли, остался малец жив. Тут вино ведрами выносят! До хозяйских ли щенков?

Православные пили – ничего. А башкирам атаман не велел наливать. Они, как хлебнут, становятся буйные, потом сразу с седел валятся. Степной человек мал, закусывать не умеет. С ним пить – воробья причащать. Все же одно ведро на тридцать человек они выпросили и упились, как на свадьбе. Только лошади их хмельными не ходили. А сами попадали в бурьян. Ночью ударил морозец – половина не проснулась.

Атаман глаза протер, тужить не стал. Этого добра у него довольно. Вот хотя бы авзянопетровскими и пополнит отряд. Увел еще сорок мужиков сверх вчера набранной сотни. А с ними потянул пушки, порох, ружья и прочие припасы.

Однако башкир он недооценил. Те себя показали на Усть-Катавском заводе, где людишки пытались от бунта уклониться и про государя слушали настороженно. Без должного восторга.

Усть-катавцы, как всегда, хотели вперед всех поспеть. От них еще в середине октября подался в Оренбург молотобоец Иван Киселев. Вернулся – глаза, как рубли анненской чеканки, с кулак. Стал мужиков мутить, сколотил шайку человек в пятнадцать. Но недолго Кисель бурлил, запрудили ему молочные берега. На Усть-Катавском приказчики оказались порасторопнее и посмелее, чем в округе. Похватили особо рьяных, а с ними Киселева, и отправили в Уфимскую провинциальную канцелярию. Остальные мужики почувствовали и отменили решение идти к Самозванцу.

Поэтому прибывших к ним башкир приняли неприветливо, отговаривались незнанием, добро прятали, приказчика с расходчиком не выдавали. За что были побиты, а завод сожжен. Одних пожиток башкиры взяли на семь тысяч, да денег сорок тысяч, да табун лошадей в триста голов, да шестьсот коров, да овец без счета. А люди, кто уцелел, разбежались в лес.

Вот и посылай после этого степняков народ вербовать! Рекрутировали один рогатый скот, и тот Самозванцу ли, себе ли – неясно.

Всякому ведомо: верная служба дает офицерский чин. Сыну старшины Юлая Адналина быть офицером. Его отец сед, его отец горд. Воевал он с отрядом в триста воинов и при усмирении калмыков, и в польском походе против конфедератов, где под его рукой ходило уже три тысячи всадников. Награжден почетным знаком и отъехал по месту жительства в Оренбургскую губернию, Уфимскую провинцию, деревню Юлаеву, что близ Симского завода, где за ним числится девяносто дворов.

Не беден старшина, уважаем начальством. Однако и у него своя боль. Проклятый Симский завод построен на его земле, отнятой Твердышевым за гроши. И ныне по-русски говорят там ели и березы. Понагнали туда людей крупных, белоголовых, свирепых с виду и драчливых при встрече. Не наехать на них башкирскому отряду. Отобьются да еще войска позовут.

Смирился Юлай, подстроился к тем, кто силен. Но обиду не забыл. Сыну старался, правда, ничего дерзкого против властей не внушать – помешает ему это. Лети беркут, ищи добычу и садись только на хозяйскую руку. Ту, что крепко держит веревку и может оделить тебя мясом. Если же исчезнет такая рука, будь готов клевать глаза своим врагам.

Правда, Салаватка еще молод и нежен. На щеках пух, не борода. Да и отец его избаловал. У самого Адналина две жены. Но вторую он взял уже в зрелых летах, чтобы согреть остаток жизни. А у сына на двадцатом году – три. Юные, красивые – на забаву. Пусть тешится, пока вкус не прошел.

Как сядет в седло, брякнет саблей, почувствует запах пожара, забудет про мирное житье. Будет пробавляться едой и бабами в разоренных домах. Уйдет та беспорочная сладость, когда ни ты никому не делаешь зла, ни тебе никто худого не творит. Он, Адналин, это знает.

Потому не без печали собирал Юлай сына в первый поход. Хотя, что говорить? Пора наследнику показать себя. Обновить имя. И Салаватка из дому рвался. Обещал непременно выслужить капитанский чин, а с ним дворянство. Они ведь старшины – бии. Пусть только случай подвернется, и он не промажет, прямо царской грамоте в сургучную печать.

Случай и правда встал у порога, дергая конской уздой и звеня стремянами. Пришла бумага от Оренбургского губернатора Рейнсдорпа, что объявился беглый казак и раскольник Емельян Пугачев, назвал именем покойного государя, сколотил шайку и озорует окрест. Надлежит ему, Юлаю, собрать отряд и выслать в помощь Оренбургу. Что старшина и сделал. Девяносто пять всадников дал сыну – лошади сытые, колчаны полные, луки только об колено и согнешь. Рожи – одна другой веселей. Не всякий день удастся пощипать оренбургских мужиков с разрешения начальства.

Салаватка сидел на кауrom мохноногом жеребчике. Шапка у него лисья. Халат крыт зеленым бархатом. Не домашней выделки – персидский зипун, выменян у казаков за две пригоршни серебряных рублей. А казачьи горсти вдвое больше, чем башкирские. Широкая у шайтанов ладонь, костистая, загребушая!

В ножнах с серебряной обкладкой отцовская сабля. На груди – Юлаев же наградной знак. Сам Адналин при всех надел его на сына для солидности.

– Вот вам теперь старшина и командир, вместо меня. Стар я уже для государевой службы. Слушайте его.

Жены стояли возле плетня, вцепившись в горшки – любовались. И как Адналину теперь совладать дома с пятью бабами и тремя ребятишками? Сколько будет ссор, споров и всякого лиха!

Всадники поскакали из села. Не успела осесть пыль на дороге, а они уже затерялись за соснами в Симском урочище, заплясали на переправе через речку Аю и, не замочив ног, выехали напрямик на Оренбургский тракт. Оттуда до города рукой подать. Думали к вечеру добраться.

Ехал Салаватка, а в глазах дрожал синий платок Атанай, первой жены. Хоть и родила ему обоих сыновей вторая, а любил он Атанай хрупкую, Атанай нежную, Атанай без семечка во чреве. Чаял к ней вернуться, ее одарить. Жарко становилось за воротом оттого, что она – не другие две – будет ждать. Бежала потная струйка от кадыка по груди, когда представлял их возню на перовых тюфяках, сдавленный хохот, бряканье браслетов и тихие, завистливые вздохи тех, кто слышал эту потаенную радость.

Но, однако же, надо думать о войне! Он теперь старшина и командир. За ним девяносто пять всадников. Шутка ли? Неловко Салаватке – никогда не водил он воинов, не знают они его. А вдруг не станут слушать, несмотря на знак и на отцовское имя?

Но вышло хуже. Говорил старый Адналин: «Никогда с человеком не случается того, чего он боится. К чему исподволь готов. Всегда вывернется какая-нибудь другая пакость».

Совсем не ждал молодой бий Самозванца. Считал: далеко еще ему до Оренбурга. Вот придут к городу, соединятся с войсками Рейнсдорпа, станут Злодея караулить. А он вот, под самым носом. С летучими отрядами казаков, с калмыками, с рудокопами из Воскресенского, с пушками. Да как жажнет, как плюнет огнем, как застрекочет из ружей.

Не доезжая деревни Бескуловой, возле которой надлежало Салавату соединиться со старшиной Элви и в составе тысячи башкир двигаться к Оренбургу, налетела во чистом поле злодейская толпа под две тысячи человек. Нападать не стали, обстреляли издалека и преградили путь. До сумерек старшины рядили, что делать. Наконец Элви поскакал к мятежникам спросить, чего хотят. Те отвечали:

– Хотим вашей дружбы. Делить нам нечего. Все государевы слуги. Пойдемте с нами царя батюшку в Бердской слободе смотреть.

Элви немедленно склонился на уговоры, и Салавату с его девяносто пятью всадниками ничего не оставалось делать, как ехать большой ватагой, опасаясь пушек, казацких сабель, да и своих, желавших лучше идти грабить Оренбург, чем его защищать.

Так, сам не желая, Салаватка Юлаев сын затесался в злодейскую шайку.

Небо низко повисло над холмами, грозя снегом. Сизые в дымке леса отступали с дороги. Во влажном холодном воздухе особенно остро шибал в нос конский навоз и гадко воняли прокисшие от пота кожи армяков. И сам Салават пах как-то гадко. Он впервые узнал, что человека в жар бросает по-разному. От работы один пот – крепкий, ядреный, с солью. Бабы стирают, плюются: ишь как испохабил рубаху! А нет-нет, да и прижмут к лицу: мужиком веет. От страха же человек делается весь холодный и липкий, а на коже остается кислый след, как на заплесневелом в рассоле огурце. Такое добро никому не надо. Бабы, отполоскав, бросят в сторону и больше не посмотрят. Именно эту дрянь ощущал под персидским халатом сын Юлая и ненавидел себя за то, что струсил, даже не побывав в бою.

Злодейской ватагой верховодил, как оказалось, не сам государь, а один из его любимцев – атаман Овчинников. Мужик с крупной птичьей головой и кривыми, как ветки здешних берез-маломерок, пальцами. Он повез всех башкир в Берду, которая оказалась маленькой деревянной крепостью на носу у Оренбурга. Должно бы ей, Берде, защищать город, хранить от неприятеля, а она, словно легкая на согласие девка, поддалась после первого же приступа. Раскинула ноги и лежала теперь на спине, кося в небо татарскими глазами и чая радости от насильника.

Подъехали уже в сумерках. Усталые, голодные. Гости ли, пленники ли – неясно. Ни одна собака не брехала, и это наполнило души новым страхом. Вроде не мертвая слобода. Где же псы?

Еще издали Салаватка заметил под деревянным тыном широкую черную полосу, опоясывавшую стены. Она копошилась, двигалась, взлетала, как лохмотья вдовьего платка под ветром. Над ней царил неугомонный вороний грей. Одна из птиц взмыла в воздух и отлетела прочь, держа в клюве кус добычи. На нем что-то поблескивало. Овчинников мигом приложился из ружья. Ворона дернулась и камнем рухнула вниз. Упала под копыта лошади. Казак спешился, отшвырнул птицу, поднял с земли находку. Оказалось, человеческая рука, погрызенная уже собаками. На распухшем пальце кольцо. Атаман подергал – туго идет. Облизнул мертвечину, стянул, бросил руку на снег и сунул трофей за пазуху.

Салавата чуть не вырвало. Всадники уже ехали по вросшему в снег мосту. Недоверчиво зыркали по сторонам. У ворот их встретили три виселицы, чуть поодаль – еще пара. Ветер трепал на покойниках синие офицерские плащи. А дальше дома с тусклыми огоньками за слюдяными оконцами. Голоса. Смех. Бражные песни. Ругань. Хлопанье дверей. Казаки всегда живут шумно, особенно за чужой счет. А в Берде они жили на государевом довольстве – сыто, пьяно, грозно и весело.

Проезжая широкой улицей, Салават успел заметить кибитки, крытые где дерюгой, где коврами. Они теснились табором. Возле горели костры, слонялись женщины самой оборванной и жалкой наружности. Все они были русскими, и, приглядевшись, молодой бий увидел, что платья у них не крестьянского покроя. Это были жены и дочери убитых офицеров, завезенные победителями в свой вертеп и брошенные посреди Берды для всеобщего удовольствия. У них случалось много гостей. Казаки тянули несчастных за руки в телеги или просто к ближайшим домам. Те не сопротивлялись, получая за услуги где краюху хлеба, где подзатыльник.

Салават с тоской воззрелся на большую, ярко освещенную избу, в которую их вели. Возле нее был палисад, затоптанный сотнями ног. У коновязи не меньше десятка лошадей. Окна со стеклами. Сразу видно, богатый человек жил. Может, сам комендант Берды? Старшину Элви и Салавата пустили внутрь, остальным велели ждать. Понурые всадники спешили. На площади перед домом им не хватало места, и они заводили коней в улицы, холстами стелившиеся от центра слободы. Лошади боялись здесь стоять. С непривычки ржали. Из всех углов несло мертвечиной.

Старшина Элви, как вошел в избу, сразу повалился на пол и ткнулся головой в порог. Салаватка вперед осмотрелся. Роскошно. Весь пол устлан коврами. На стенах кошмы. Вместо лавок – стулья. Стол с пузатыми, как вазы, ногами. Самозванец сидел под пустым киотом. Не слишком взрачный, с рябым лицом, с волосами, по-казацки постриженными в кружок. Без рубахи и без креста. Две девки в красных сарафанах мяли ему плечи. С первого взгляда было ясно – этот человек ест с ножа и не боится обрезать.

Хозяин ласково указал башкирам на стол и кликнул какого-то деда принести чаю. Пил вприкуску, дробя здоровыми, как у лошади, зубами плотные куски сахара. А потом молвил так:

– Рад я, детушки, что вы привели с собой до тысячи всадников. Нам помощь нужна. Которые пойдут мне служить, тех пожалую. А которые станут отпираться – повешу. Здесь, в Берде, на всех пустых перекладинах хватит, – и протянул гостям через стол руку.

Элви снова повалился в ноги и целовал смазной сапог царя. А Салаватка уставился на руку. Небольшая, в мелких рыжих веснушках, над запястьем курчавятся волоски.

– Целуй, – подсказала одна из девок, решившая, что дикий башкир не знаком со здешним обхождением. – Ни то удавят.

Салават ткнулся лицом вниз и вдруг почувствовал резкую боль. Самозванец схватил его пальцами за короткий нос. Под хохот вошедших в избу казаков он выволок сына старшины за порог и осведомился:

– Будешь служить?

Салаватка боялся двинуть головой и лишь часто-часто моргал, изображая согласие.

– То-то же, басурманская харя. Иди к своим. Я сегодня милостив.

Молодой бий вышел за палисад, махнул рукой, подзывая к себе конников Адналина. Выбора у них не было. Да и хотели ли они выбирать? Их миловали, принимали на службу. Чего же еще?

На следующий день к новоприбывшим соплеменникам приходил мулла Кинзей Арсланов. Благообразный, немолодой, с белой бородкой, росшей пучком, как у козла, не покрывая скул. Вместо шапки, он носил чалму и говорил степенно, то закладывая руки за кушак, то шевеля четками. Кинзей знавал Адналина и к его сыну отнесся дружелюбно.

– Это хорошо, что ты здесь, – сказал он. – Государь обещал все заводы сжечь, а земли отдать нам. Хозяев же Твердышева, Мясникова, Демидова повесить.

– А людей своих он куда денет? – не поверил Салават. – Тоже повесит? Их здесь почитай тысяч до десяти, а то и больше.

– Наше ли это дело? – покачал головой Кинзей. – На все воля Аллаха. Государь своих не любит – они его предали. А нас пожалует.

– Если он своих не любит, почему будет любить нас?

Сын старшины пребывал в сомнениях. Земли из-под Симского завода ему хотелось еще больше, чем офицерского чина. Но жизнь в Берде Салавату не нравилась. Душегубства много, а толку чуть. Оренбург как стоял, так и стоит. Что проку в казачьих разъездах под стенами? Или в том, что Самозванец каждое утро отправляется проверять посты? Однажды он поскакал пьяный, потерял стремя, чуть не рухнул с седла. Из крепости по нему начали поливать, подкатили пушку.

– Берегись, государь! – крикнул один старый казак, подбирая повод Емелькиной лошади.

– Уймись, дед! – отвечал Самозванец. – Нечто пушки на царей льют?

И правда, двух подсакавших казаков убило. А сам Злодей даже хмеля по дороге не расплескал. Вернулся домой и завалился спать, потребовав пару баб, чтобы грели бока, и еще одну чесать пятки.

Когда новоприбывшим башкирам читали манифест: «Жалую вас верою и законом вашим, пропитанием, рубахами, портами, и будете, как звери степные», – Салават все косил глаза на сторону, все прикидывал, как утечь из проклятой слободы.

Ночью решился. На лошади через заставы не уйти. При въезде часовые. Вздумал пешком через ров, заметил, что в одном месте стена не так высока. Кубарем скатился в снег. Оскользнулся, вступил в ров и, закрыв лицо шапкой, шел среди смерзшихся человеческих тел, наступая на холодные руки и лица. Смертельно боялся ворон – вдруг станут клевать глаза? А следовало собак. Встретила его целая стая псов до пяти, крупные, наели бока. Молодой бий обнажил саблю, зарубил пару подступившихся к нему тварей. Остальные разбежались.

Пошел через поле. Потом лесом. До города недалеко. Там верные войска подберут Адналинова сына. Да только не дотянул с версту. Под утро уже прозяб, выбрал на дорогу. А тут, как на грех, разъезд из яицких казаков. Сцапали перебежчика, завалили в снег, петлей захлестнули руки, погнали назад. По пути кололи пиками, проткнули левую щеку в двух местах, ранили руку, спину спасла кольчуга.

Пленный спотыкался, падал, после ночи блужданий не мог шибко бежать за лошадьми. Это сердило казаков, и они решили покончить с ним возню у ближайшего оврага. Но, к счастью, на них наехал башкирский отряд старшины Элви, следовавший стрелять по Оренбургу. Соплеменники умолили казаков отдать сына Юлая, и те, наскучив, перебросили им веревку. Со своими Салават все-таки попал к городу, но раненый, усталый и совершенно не соображая, где его место.

Глава 3

Леди невозмутимость

Декабрь 1773 года. Санкт-Петербург

Статс-секретарь императрицы Иван Перфильевич Елагин застыл на пороге кабинета с почтой в руках. Дверь неслышно распахнулась. На посетителя пахнуло ароматом утреннего кофе, свежих французских булочек и яблочного варенья. Ее Величество, как обычно, намеревалась позавтракать во время работы. На турецком ковре перед камином дремала белая левретка. Тишина и умиротворение царили вокруг.

Когда-то британский посол лорд Бакингом назвал императрицу «Леди Невозмутимость». Прозвище прижилось. Глядя, как Екатерина, склонившись над конторкой, чиркает пером по бумаге, Елагин оценил справедливость слов дипломата. Спокойствие было написано на ее полном белом лице, точно умытом сливками. Государыня повернула голову и улыбнулась секретарю.

– А, Перфилич, здорово. Как почивал?

Отношения их были теплы. В домашней жизни императрица не терпела этикета. Елагина она знала около двадцати лет. Когда-то он служил канцлеру Бестужеву и, по приказу своего патрона, много общался с великой княгиней. Именно Елагин в день ареста канцлера успел сжечь бумаги, изобличавшие участие Като в заговоре. Тогда Ивану Перфильевичу досталось. Он прошел по следствию, посидел для порядка месячишко в крепости, был сослан, но ни словом не обмолвился о делах своих покровителей. Когда через четыре года Екатерина вступила на престол, она вспомнила о нем и пожелала иметь при себе. Молчание – золото.

– погоди маленько, – плавным жестом государыня указала на кресло у камина. – Я сейчас закончу.

От Елагина не укрылось, как поспешно она сунула в кожаную папку вчетверо сложенную страничку письма.

– Полистай, вон из Парижа прислали. Новые комедии.

Иван Перфильевич потянул с круглого малахитового столика толстенный конверт. Там были и ноты, и вырезки из газет, и крошечные, величиной с ладонь, уличные памфлеты для черни, осуждавшие королевскую власть – Екатерина все хотела знать о делах своих главных противников – и, наконец, пьесы, игравшиеся на Масленичном карнавале. Одна из них – «Севильский цирюльник» – наделала много шума.

Елагин с крайним предубеждением воззрился на синеватые листы дешевой бумаги. Как Като не противно брать их в руки? О содержании он был наслышан. Автор камня на камне не оставлял от аристократии, церкви, брака...

– Господин Бомарше – большой шутник, – осторожно начал статс-секретарь. – В иной стране он лишился бы языка.

– Что-то ты, Перфилич, больно свиреп, – подтрунила над ним императрица. – Нынче в Европе костров из книг не складывают.

– А жаль, – Елагин почувствовал, что начинает злиться. – Зато у нас на Яике Самозванец не одну крепостицу запалил, пока мы с вами французские сатирики почитывали. Ничего, дайте срок. И в Париже полыхнет. Хоть бы черни такую писанину не подсовывали!

– Все имеют равные права на смех, – отчеканила Екатерина.

Елагин вспыхнул.

– До сих пор с господином Вольтером смеялись только партер и ложи. Но, поверьте, когда засмеется раек, королю станет не до смеха.

Екатерина всплеснула руками.

– Разве у нас беда стряслась оттого, что вы переводили Вольтера, а я правила ваши сочинения?

Иван Перфильевич потерял терпение.

– А от чего же?

– Оттого, что и совесть иметь надо! – вспыхнула императрица. – Наши дворяне никого, кроме себя, за людей не считают. В редком доме нет цепей, плетей и ошейников для наказания холопов.

– Как же, люди они! – Елагин перестал сдерживаться. – Поглядите, что эти люди выделывают! Я донесения принес. Офицеров живьем в землю закапывают. Девочек насилуют, пускают по кругу. Имения сжигают вместе с помещиками и челядью! Вы с лорнеткою у нас третье сословие ищите, дворянство ругаете. А как Емелька нагрязнул, где оно, третье сословие? Только дворяне еще и верны.

«Страх это, а не верность», – подумала императрица, но вслух сказала:

– Полно, Перфилич. Извини меня, я погорячилась.

Елагин чувствовал, что погорячился-то именно он. Но государыня имела обыкновение всегда мириться первой, и окружающие с удовольствием этим пользовались.

– Да и вы тоже хороши, – продолжала она примирительным тоном. – Кричите на меня, будто я горничная. К делу. Что там натворил этот недотепа Кар?

Секретарь раскрыл папку.

– Войска, которые Ваше Императорское Величество соизволили вверить генерал-майору Кару, разбиты. Сам он бежал в Москву, явился в Благородное собрание, откуда был изгнан негодующим дворянством.

– Русский бы этого не сделал, – болезненно поморщилась Екатерина. – Откуда узнали о случившемся?

– Ночью прибыл курьер из Первопрестольной. От генерал-губернатора князя Волконского. Сразу не решились будить.

– Напрасно, – императрица кивнула. – В другой раз не робейте. Я хочу говорить с ним. Он здесь?

– Дожидается за дверью, – секретарь поклонился. – Но осмелюсь доложить, целесообразно ли? Курьер сам на месте не был. Что любопытного он может рассказать?

– Ошибаетесь, – усмехнулась Като. – Какая мне нужда выведывать подробности разгрома Кара? Главное мы знаем: войско рассеяно, командир бежал. Нужно новое войско и новый командир. А вот Москва – другое дело. Полезно расспросить о тамошних настроениях.

Елагин пожал плечами и отправился к двери. В кабинет неловко протиснулся рыжий детина лет тридцати, курносый и конопатый до неприличия. Форма штаб-ротмистра Кирасирского полка сидела на нем, как детский кафтанчик. Ручищи торчали из рукавов, не по уставу обнажившись выше запястья. Фалды едва прикрывали зад. Впрочем, тяжелую кавалерию отправили в Москву не на парад. Императрица усилила кирасирами гарнизон старой столицы.

Увидев перед собой государыню, штаб-ротмистр так смешался, что рухнул на колени и не мог слова из себя выжать.

– Что вы, что вы, – испуганно воскликнула женщина, отпрыгнув назад. – Встаньте немедленно. Вы не себя, вы меня позорите.

Кирасир еще больше смутился, вскочил и вытянулся в струну. Государыня протянула ему руку.

– Целуй, дубина, – толкнул его в спину Елагин.

Курьер сочно, как кузине на именинах, чмокнул душистую царственную длань.

– Скажите, сударь, – обратилась к нему императрица. – Как в Москве приняли известие о бегстве Кара?

– С негодованием, Ваше Императорское Величество!!! – гаркнул штаб-ротмистр. Хрустальные подвески на люстре жалобно звякнули.

– Не ори, – снова ткнул курьера секретарь.

– Говорите спокойнее, – ласково улыбнулась Екатерина. – Так что же думают в Москве о Самозванце? Боятся ли?

Курьер глотнул и, переведя дух, сообщил вымученно ровным голосом:

– Все с негодованием приемлют вести, до Самозванца относящиеся, – это была единственная фраза, которую он сумел построить красиво. А дальше полезли какие-то обрывки: – Однако есть иные, которые и ждут. Из холопов. Гулящие люди. Бог весть, откуда их столько вдруг взялось. Чуваши, мордва, татары. Не знаю, как и набежали в Москву. Кабаки бы позакрывать.

Курьер испугался своей наглости. Кому вздумал советовать!

– Здраво, – ободрила его императрица. – Отчего же князь Волконский медлит?

Штаб-ротмистр на секунду расслабился и всей пятерней поскреб в затылке.

– Заколотишь двери в кружала, голытьба пойдет по улицам собираться. Что из того последует, вестимо. Два года как Москва отбунтовалась. У многих еще свербит.

Екатерина кивнула. Ей сегодня попался на удивление полезный собеседник.

– А купечество?

– Богатые купцы, слышно, хотят деньгами пособить. Смекают так, что от Оренбурга злодею путь на Казань, а оттуда уж и до Москвы не далеке.

– А полки, расквартированные в Первопрестольной? Рвутся ли в бой? – последние слова императрица произнесла с легкой усмешкой, позволившей собеседнику не принимать их всерьез.

– Мало нас, – признался он. – Разговор такой, что, ежели не перебросят войска с юга, то нам здесь и помереть. Больно много с собой Самозванец народу волочет. А против него кто? Инвалидные команды?

Екатерина помрачнела. Здраво, здорово судил курьер. Да не его это слова. Общее мнение, которое лишь озвучено на сотни разных голосов, а, в сущности, повторяет одно и то же. Как их снять-то с юга, войска, когда война не окончена?

– Ну, хорошо, а что говорят о правительстве? – молвила императрица.

Штаб-ротмистр побелел и умоляюще уставился на Елагина. Но тот смотрел в окно.

– Говорят ли, что я, начав войну на границах, допустила мятеж внутри державы?

Кирасир не знал, куда деваться от смущения.

– Что проспала Россию? Что бабе страны не удержать? Что правлю по рецептам французских безбожных философов? – голос у императрицы был вкрадчивый. Она все ближе подходила к собеседнику, и он чувствовал, как ему не хватает воздуха. – Что есть близ меня законный государь. Обиженный. Что подрос и пора бы...

Кирасир схватил посиневшими губами пустоту и готовился грянуться в обморок.

– Ну что вы так испугались? – рассмеялась Като, отступая от него. – Или сами в полку не болтаете? Не бойтесь. Вам ничего не будет, – ее, кажется, очень развлекал вид несчастного курьера.

Елагин, наконец, соизволил отлепиться от окна и кивнул штаб-ротмистру: можешь идти. Тот не чувствовал ног, когда выходил из дверей, не слышал ободряющего голоса секретаря:

– Чего вы, батенька? Жалки, немые. Ее Величество этого не любит.

Бедняга не помнил, как добрался до стула, и, стянув с себя парик, обхватил руками совершенно мокрую голову. «Теперь крепость», – думал он.

– Прикажете подробнее допросить? – бесцветным голосом спросил Иван Перфильевич, затворяя двери в кабинет. – Кто говорит? Как?

– Зачем? – пожала плечами Екатерина. – На каждый роток не накинешь платок. Важно, что шепот перешел в голос. А курьер пускай едет. Не трогайте его.

Через пару дней штаб-ротмистр рассказывал товарищам в полку:

– Держится она просто и ласково. Все, что про нее врут, знает. И хочется упасть на колени, крикнуть: «Не верьте, Ваше Величество!» – целовать руку и так умереть.

А служивые пожимали плечами и посмеивались:

– Хитрая стерва.

Январь 1774 года. Лагерь русских войск на Дунае

Рождество в лагере под Силистрией прошло весело. Пушки на сутки перестали лупить по городу, фейерверкеры заряжали их хитро придуманными снарядами и салютовали ввысь, горстями разбрасывая цветные искры по черному небу. Солдаты зажигали костры из фашин. Между неглубокими траншеями минеров крутились шутихи. Из-за огненного веселья была опасность запалить палатки. Но, слава богу, обошлось.

Офицеры не раз поднимали штофы в честь памятного рейда Потемкина за провиантом. Только благодаря кавалеристам Грица, праздник отмечали честь по чести: с пуншем, жареной на сломанных шпагах дичью, венскими колбасками и портером из Туманного Альбиона.

Повидавшие виды ветераны голодной осады тоже не называли. «Прямо жируем, братцы!» – говорили они, запихивая в земляные печки собственноручно замешанные ржаные калачи. Поднимали ядра с деревянных крышек и отведывали из кадок кислой капусты: «Еще чуть-чуть и будет в самый раз». Для солдат выкатили бочки венгерского. Только часовым ничего не досталось. Но товарищи в нарушение устава носили им чарки опохмелиться.

«Бери нас теперь голыми руками», – думал Гриц, с неодобрением разглядывая хмельной лагерь. Но Румянцев знал, когда позволить армии пить-гулять. На много верст вокруг степь была расчищена от неприятеля. Турки ушли на юг за Дунай. Осажденные не решались делать вылазки, поскольку видели: враг вокруг города залег, как медведь в берлогу, и собирается зимовать сыто-пьяно.

Все господа старшие офицеры получили подарки от жены фельдмаршала графини Екатерины Михайловны Румянцевой, приславшей из Петербурга целый обоз. Тот-то хохота было в расписном шатре командующего, то-то шуршали бумагой и рвали ленточки. Как дети в Сочельник.

Даже любовнице мужа госпоже Черкасской, явившейся в лагерь перед самым праздником, графиня отправила презент и ласковое письмо. Увидев это, Петр Александрович прослезился, предложил за столом троекратно пить здоровье своей супруги и все повторял:

– Что за женщина! Знал бы, кто любовник, обязательно поздравил бы!

Но в том-то и дело, что Екатерина Михайловна была дама выше всяких похвал. Терпела неверность и шумные выходки своего барбоса, нарожала ему детей и всеми силами старалась выжать из нынешнего, высокого положения мужа пользу для семьи – подгрести именица на Украине, определить сыновей к чинам повыше... Удивительного терпения, такта и снисходительности матрона! А если и были у нее свои грехи, про это история умалчивает. Жена Цезаря вне подозрений.

Утром прискакал давешний башкир на лошади Каплан-Гирея. На голове мохнатая шапка, золотая сабля в руке. Полы его синего парчового халата волочились по земле. Высоким был турецкий паша, а степняк – маленький, кривоногий. Но лучник не унывал.

– Домой поеду, свататься буду. У нас один мала мала богатый есть. Дочка не отдает. Скажу: смотри, какой халат! Какая сабля! Зачем такой важный? Давай сюда девка.

Гриц принял у него повод, поблагодарил башкира рублем за меткий выстрел и побрел на крутой берег реки посмотреть крепость – тоже ведь развлечение.

Силистрия сдаваться не собиралась. Ее склады ломились от хлеба, гороха, кукурузы и сушеного мяса. Мало ли что русские обрезали округу по самые стены. Как пришли, так и уйдут. Не впервые крепости принимать незваных гостей. Не впервые султану посылать ей помощь, не впервые месить под стенами снег с кровью. Только вот зима. Только вот холод. И ветер в степи. Не дойти сейчас подкреплению ни из Бухареста, ни из самого Константинополя. Но ведь и гяурам деваться некуда.

Видел Газы-паша, комендант Силистрии, сон на Рождество. Праздник неверных и сны на него неверные. Явилась ему сквозь морок бурана Жена, закутанная в Солнце и попирающая ногами Луну. Стояла она на узком серпе полумесяца, как на лодке, и плыла к крепости над серыми не замерзшими волнами Дуная. «Отдай, – сказала, – город». И голос ее был ласков, точно говорила с ребенком. Хоть и неразумное дитя, а свое. «Не жалко тебе, разве, вдов и сирот? Сдашься, русские их пощадят. Не откроешь ворота – пеняй на себя». И разломила руками золотой полумесяц. Поплыли, дробясь на воде, его осколки.

Газы-паша проснулся. Затешил лампу. Пошел молиться. Велик Аллах! Не прорвутся гяуры. Пришлет Стамбул помощь. А не пришлет, так он, комендант, больше боится шелкового шнура с султанским благословением, чем Жены, закутанной в Солнце.

На следующее утро наладили русские штурм. Не самого города. Он стоял крепко. Но на подступах к нему, посередине реки, лежал островок, замеченный снегом. Турки не раз пытались переправиться туда, чтобы делать диверсии против осаждающих. В свою очередь, засевший напротив одноглазый командир – его Газы-паша высмотрел в подзорную трубу – установил батареи прямо на взгорье и сметал огнем всякого, кто пытался высадиться. Знал паша, чем приглянулся русским этот безымянный клочок земли. Они хотели навести понтоны, перетащить пушки и уже с него жарить по стенам. Но то-то и оно, что кукиш посреди реки простреливался и с турецкой стороны. Из укреплений в местечке Гуробалы.

И вот старый толстый командир двинул свои войска в лоб. А шустрый одноглазый ушел с кавалеристами вверх по реке. Зачем бы это? Что за блажь? Ведь пушки Гуробал не молчат. Бьют и взрывают землю островка, как быки копытами. Или эти несчастные думают, что можно верхом форсировать Дунай? Река, даром, что льдом не покрылась, струи ее холоднее булата. Только крылатые кони перенесут гяуров на турецкий берег.

Сивки-бурки фыркали и не хотели вступать в воду. Поартачились, но пошли. Потемкин поздравил себя с тем, что приказал кавалеристам пересечь на степных казачьих кляч. Породистые кони были бы погублены в эту переправу. Может, и переплыли бы, но потом все равно околели. А запорожским ничего, только отряхнулись и не шибко потрусили вперед на взгорье. Низенькие, коротконогие, лохматые, так что не сразу разберешь, где кончается шерсть и начинается грива. Их дразнили Коньками-горбунками. Вот на горбунках-то и форсировал корпус Грица зимний Дунай и ударил по Гуробалам. С ходу влетели на земляные волы, с которых били турецкие пушки. Опрокинули нечастые изгороди, мешки с песком, подожгли деревянные башенки игрушечной фортеции. Османы не ожидали увидеть русских так близко, не успели сбежать под защиту силистрийских стен. Думали, что такая пакость может приключиться только весной. А до нее еще ой как далеко. Обманулись.

Переправлявшиеся в лоб войска под началом самого Румянцева сразу поняли, что Гуробалы взяты. Потому что, твякнув, захлебнулась последняя батарея, и наши вступали на островок уже без боязни. Затащили по понтонам мортиры, начали окапываться. Благо земля вокруг вся разворочена снарядами. Спасибо туркам, не надо долбить мерзлый грунт.

Кавалеристы в лагерь вернулись уже по наведенным мостам. Их бы приветствовали, как героев, но уж больно потешно они смотрелись с поджатыми под лошадиное брюхо ногами. Потемкин немедленно перелез на белопенного своего скакуна, поехал красоваться.

Жеребца называли Тигром, в честь Каплана. Был он пакостен и лукав. В бой на нем Гриц не рисковал. Норовистый и в голове одни кобылы. А когда ему вставит, так хоть вдесятером держи – всех перекусает и умчится хвост по ветру. «Пристрели ты эту сволочь, – говорили товарищи. – Или отдай выхолостить. Все равно от него пользы нет». Но Потемкину было жалко – такой красивый! Ноги тонкие, только браслетов не хватает. Голова маленькая. Шея лебединая, хвост – плюмажем. Где еще такого найти? Вернется Гриц в Петербург, будет на нем выезжать, все барышни с балконов попадают.

– Вы, я вижу, прогуливаете свою лошадь, как собаку? – услышал Потемкин за спиной насмешливый неприязненный голос.

На взгорье, заслоняя вид на крепость, стоял генерал-поручик Репнин. Сухой, как щепка. В темно-синем, почти черном сюртуке поверх форменного кафтана, но без шапки, даже без треуголки, подставляя холодному ветру рано начавшую лысеть голову.

Потемкину был неприятен этот человек. От него исходил удивительный внутренний холод. Точно там, в сердцевине, за корой синего сюртука, кафтана и даже тела, душа была сделана из какого-то иного материала, чем у других людей. «Ртутная кровь» – так Гриц для себя определял эту породу.

– Вы в очередной раз прославились, – с нескрываемой издевкой бросил Репнин. Его изломанные треугольником брови сошлись над переносицей. – Ждете нового чина? Или новой побрякушки на грудь?

Потемкин знал, что следует сдержаться. Когда-то его отряд входил в корпус Репнина, а теперь Гриц сам командовал корпусом и был равен прежнему начальнику. Такое не произошло.

– Пока вы читаете Сен-Мартена, война пройдет, – усмехнулся он. – Философский камень еще не нашли, чтоб возвращать время и участвовать в пропущенных битвах?

Репнин побагровел. Он действительно везде таскался с Сен-Мартеном, как с молитвенником. И язвительный Потемкин уже прозвал его «Опус негридо», что значит «Делание в черном» – первая ступень алхимических работ. Гриц, смеясь, говорил, что ее следовало бы именовать «Черное дело». Не так уж он мало знал, этот кривой чудак!

Год назад между ним и Репниным вышла ссора. После возвращения из Фокшан с мирной конференции, Потемкин получил от командира корпуса приказ двигаться на соединение с войсками Гудовича у крепости Турны. К Гудовичу же поскакал вестовой с повелением отходить. И когда отряд Григория приблизился к Турне, русских там уже и след простыл. Зато явились татарские конники в несметном числе, да осажденные турки, увидев, что противник уходит, открыли ворота и выступили навстречу горстке неверных.

Вот это была драка! Двое суток. Без передышки. Пять тысяч против двадцати. Гриц лишился под проклятой крепостью трети своих людей. А мог бы половины. Вырвались из кольца, думали удирать. Но посмотрели на врага и поняли – навели страху. Со стены рожок проиграл отступление, знатная часть османов ринулась в ворота. Татарские же конники потеряли много народу и откатились в степь. Черные от усталости и крови кавалеристы, не сговариваясь, повернули коней. Потемкин кричал команду едва ли не в спины. Дал шпоры, чтобы не отстать от своих, опередил, как положено командиру. Но, в сущности, последняя атака была на едином порыве. Его кавалеристы оставили поле у Турны за собой и, чуть не падая с седел – в обратный путь. Только одна мысль крутилась в головах: кто же их подставил?

– Как вы смели?! – Никогда фельдмаршал не отличался спокойствием. Но сейчас, казалось, бутылки с портером начнут взрываться. Так, наверное, трубят боевой слон индийского раджи, топча англичан в красной форме. – Как вы могли отдать два противоположных приказа?!

Репнин стоял перед командующим навтыжку и смотрел прямо перед собой. Лицо его было непроницаемо. Тут же, в палатке, собрались остальные офицеры. Командиры корпусов притихли, не смели выдохнуть. Гудович бледный от изумления: «Да кабы я знал, я бы никогда...» Потемкин с рукой на перевязи один сидел в углу на сундуке. Ему можно, он не держался на ногах.

– Мы потеряли полторы тысячи! Ни за что! Даром! По вашей глупости! Я отстраняю вас от руководства корпусом! Немедленно отпишу в Петербург! Пусть там решают! А пока – под арест!!!

Репнин повернулся на каблуках. В лице у него не было ни кровинки. Тонкие губы сжались в щель. Но в колких глазах почему-то застыла усмешка.

– Прежде чем вручить свою шпагу вашим адъютантам, позвольте переговорить с вами наедине.

Он смотрел на Румянцева, будто имел право на эту привилегию.

Странно было видеть, как старик мнется. Грозный отец-командир опустил глаза, ворчливо бросил в сторону: «Все идите», – и остался с виновником торжества с глазу на глаз.

Товарищи помогли Потемкину выбраться из шатра, хотели увести. Не тут-то было. Гриц сел на барабан недалеко от входа. «Я здесь подожду». Он хотел знать, чем кончится дело.

Сначала слышались голоса. Репнина – ровный, внушительный. Румянцева – раздраженный, резкий. Потом все смолкло. Зашуршала бумага. Повисла долгая-долгая пауза. И наконец раздался крик фельдмаршала:

– Во-о-он!!!

Из палатки вылетел Репнин с какими-то листочками в руках. В след ему несло:

– И ты мне, православному, командующему армии, посмел!!!

Из-за полога донесся грохот, это их сиятельство переворачивал походную мебель – бушевал. Жалко всхлипнула кровать, на которую с размаху рухнуло тучное тело. Кажется, молодец-фельдмаршал проломил свое ложе.

Через минуту снова раздался скрип, и голос, уже усталый, но все еще грозный окликнул Потемкина:

– Заходи! Я же знаю, что ты там, за дверью!

Григорий встал. Товарищей уже рядом не было, и потому он шел медленно, но ровно. Наклонился, вступил в шатер. Петр Александрович сидел посреди развороченной комнаты на походной койке и задумчиво грыз согнутый палец.

– Ты, брат, почему не сказал, что за тобой эти гоняются?

Гриц непонимающе пожал плечами.

– Ой, только не ври мне! – Румянцев замахал руками. – Не сейчас. Говори правду. Ты потому из Питера в армию сбежал, что тебя эти обложили?

– Ваше сиятельство очень обяжет меня, если пояснит, о ком речь?

– А ты не знаешь? – взвился Румянцев. – Завелась у нас тут порода... Мне святым Мартыном каким-то в нос тычут. Гороскопы твои показывают. Ни черта я не понял. Да и ни к чему мне это!

Потемкин смотрел на старика. Долго молчал, запоздало понимая, что Репнин – близкий друг Милютина. А с Милютиным у Григория счеты особые и не о них сейчас речь.

– Ваше сиятельство ошибается, полагая, что названные люди при дворе так сильны, – наконец выдавил из себя Гриц. Он сел возле Румянцева на корточки и протянул ему чудом уцелевший кувшин воды. – Я уехал в армию по своей воле, волонтером. Посчитал недостойным оставаться в столице, пока война. У меня есть на это свои причины, но, поверьте, они личного свойства...

Румянцев усмехнулся. Знамо дело. Кому неизвестно, что камергер Потемкин влюблен в императрицу? Впрочем, как и многие.

– У меня создалось впечатление по письмам Ее Величества, – осторожно заметил фельдмаршал, – что вы ей дороги. Это так?

– И да и нет, – нехотя ответил Григорий. – Мы старые друзья. Не больше. Но и не меньше.

– Так просветите меня, дурака, – фельдмаршал обмакнул в кувшин руку и всей пятерней вытер лицо, – как императрица относится к этим «мартынам»? Боятся их?

Гриц вздохнул.

– Ее Величество старается делать вид, что их нет. Но всегда имеет в виду их позицию.

– Хитро-о, – протянул Румянцев. – Я вот что тебе скажу, сынок: ты с ними не связывайся. Станные это люди. Как дерево бывает в лесу: с виду крепкое, зеленое, а сердцевина гнилая. Ударь обухом – от здоровых аж звон идет, а эти глухо так стонут, угрожающе... И жена моя, Екатерина Михайловна, в письмах весьма от них остерегает. Она ведь обер-гофмейстерина малого двора, а там «мартынов» целый клубок.

Потемкин улыбнулся. Ему был очень мил этот сильный, грузный человек, уверенный, что все на свете дела решаются криком, но в сущности добрый и незлобивый.

Граф кивнул каким-то своим мыслям.

– Я вот что, я тебя из корпуса Репнина заберу. Примешь корпус Боура.

Расстались уже в ночи. Потемкин побрел к своему шатру и у самого входа услышал резкий, надтреснутый голос:

– Эй, сударь, вы напрасно продолжаете переписку с известной особой.

Гриц обернулся и лицом к лицу столкнулся с Репниным.

– Какое вам дело до моей корреспонденции?

– Я вас предупредил.

После взятия островка граф не долго нянчился с осадой. Подолбил из пушек. Сбил кое-какие лобовые укрепления и задумал пробное наступление. Навели переправу, по ней, как по ковровой дорожке, решили подкатиться к самым стенам и попробовать на зубок, хорошо ли стоят турки?

Турки стояли хорошо, потому что давно врылись в землю и уходить не собирались. Газы-паша больше Жёну в Солнце не видел и решил, что поблазнилось. Только однажды, взойдя на бруствер, глянул вниз и аж назад откинулся. На волнах реки дробилось золотыми осколками отражение полумесяца с самой высокой мечети города, точь-в-точь как во сне...

Неверные же шевелились на противоположном берегу и грозно урчали, как медведи, разбуженные зимой. Плохо дело, будет приступ.

Румянцев распределил силы так: в авангарде гренадеры, на флангах конница. Грицу досталось левое крыло. Утром под барабанный бой полки двинулись к крепости. Знамена развернуты. Трубы раздирают морозный воздух. Турки вывесили со стены пять золоченых конских хвостов на древках – по числу полков, которым паша положил участвовать в деле. Открыли ворота. Увидели гренадер с гранатами, не стали пехоту тратить, сразу пустили конницу. Гренадеры гранаты пометали, с треть верховых выбили. Но и только.

Закрутились, заплясали турецкие всадники, засверкали кривые сабли. Только и слышно со всех сторон: «Аллах! Аллах!» Дрогнули гренадеры, побежали бы, да некуда. Враг обступил их и с фронта, и с флангов. Повернулись назад, и ам агаряне замкнули кольцо. Гренадеры – ребята крепкие, и против конного могут выстоять, но уж больно сегодня турки в большом числе. Озверели, мстят за Гуробалы.

Однако ведь есть и своя конница! Потемкин на левом фланге чуть ремень повода не грыз от нетерпения. Когда же велит командующий выручать? Не дождался, послал вестового к графу с просьбой переменить приказ и ему нестись в авангард, где сейчас драка. Румянцев

же конницу придерживал. Крепка была его надежда на гренадер. Полковник Семен Воронцов всегда неплох казался в деле. Но, видно, не судьба сегодня ему пить победную чашу.

Как оценил граф положение, так махнул вестовому рукой, мол, знаю, парень, знаю, с чем ты прискакал. Разрешаю. Кавалеристы к бою! Вестовой лошадь поворотил на левый фланг. А там уже никого нет. Понеслась конница. Сатин смотрел на фельдмаршала в трубу, ждал, когда тот перчаткой дернет. «Есть сигнал, ваше благородие!» – «Поехали!!!»

Румянцев усмехался в кулак, глядя, как его непослушный любимец лавиной разворачивает конницу. Как она врезается турками в бок, сминает их, вклиниваясь между агарянами и гренадерами. Да те тоже не стали безучастно смотреть, как и спасают. Мигом грянуло ура. Ударили вместе. Была турецкая кавалерия и нет. Поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?

Да уж известно кто. Снова сегодня пить за здоровье Кривого. Одни рады, а другие не очень. Всюду он лезет, везде ему надо. Других командиров разве нет? Или полковник Воронцов сам бы не выстоял против турков? Там у ворот, казалось, помирают. А теперь пришла уверенность, что справились бы. Почему нет? Задним числом каждый мнил себя победителем.

Раненный в голову, весь в бинтах плакал от обиды Семен Воронцов: «Он помешал мне! Помешал! Отнял викторию!» И находились многие, кто с ним соглашался. «Этот Потемкин каждой бочке затычка». А генерал Репнин у себя в шатре, в кругу близких приятелей, ради смеха, по орденскому обряду написал на бумажке имя Кривого и сжег. Пепел же выкинул за полог, пусть его ветер несет в холодные воды Дуная, раз они сопернику не преграда!

И надо же так случиться, что в ту же ночь скрутила Грица злая лихорадка. Простудился во время атаки, скакал с голым горлом, много кричал. Молдавская земля, где сухая, как камень, где болотистая. В гнилой трясине живет лихорадка, похожая на ту, что англичане встретили в Индии. Британцы заливали ее джином с хиной. А запорожцы – конской мочой с чесноком. До костей пробирало.

При Потемкине были два запорожца и мальчик Федор. Паренек прижился, сам себя называл камердинером. Иностранное слово ему очень понравилось, выходило важно, как сенатор. Варил щи, чистил форму, учился ухаживать за Тигром. Гриц его не гнал. Казаки, они если не воюют, то всякий день пьяные. А мальчик к водке еще не пристрастился и справлял по хозяйству всю работу.

Запорожцы решили отлить генерала ледяной водой. Как у них положено. Потом сразу водки с перцем и – в медвежью шкуру, пока не пропотеет. И снова ледяной водой. Федор смотрел, смотрел, да побежал к графу:

– Ваше благородие, пришлите доктора! Совсем барин мой умирает!

Румянцев всполошился, отдал своего медика. А Федора потрепал за ухо, молодец, не побоялся к самому командующему идти, и вынес шесть бутылок джина. Но запорожцам запретил показывать, они, ироды, сами выпьют. Врач осел в палатке у Потемкина, достал хину. Сначала мешал ее с джином, а потом уж с водкой.

Медленно-медленно шел Гриц на поправку. Только когда почти все силы из организма вытекли, тогда перестала его бить лихоманка. Осунулся, почернел, треть веса сбросил, что при его росте превратило добра молодца в волчью сыть. Федя все это время сидел около него.

– Батюшка, барин, не умирайте, один вы у меня.

– Не бойся, рано мне еще, – голос Григория был слабоват, улыбка... вот только улыбка и осталась.

Но стоило силам прибавиться, тут же возвращалась и болезнь. Доктор уже устал пускать кровь. А Грицу все не хотелось прибегать к последнему казацкому утешению. Но запорожцы настояли. Прогнали эскулапа и взялись за лошадиную мочу. Федя принес бутылку от Тигра. Так ему казалось благороднее. Все-таки не какая-нибудь кляча! Разбавляли зелье

водкой, чтобы не слишком противно пилося. С первого раза пациента вырвало, со второго тоже. Потом превозмог себя. И через пару дней полегчало.

Когда встал, то сказал, что против лошадиной мочи никакое сен-мартеновское заклятие не выстоит. Ведь по лагерю уже ходил слухок о сожженной бумажке.

Совсем, совсем тихо было у Силистрии, когда в первых числах января прискакал курьер из Петербурга и привез почту. Фельдмаршал послал за Потемкиным, чего обычно не делал.

– Вот, сударь мой, и вам депеша.

– От кого? – не понял Гриц. Ему на адрес командующего никто не писал. Это он передавал письма императрице через сестру Румянцева графиню Брюс, свою старую знакомую.

– Сами увидите, – оборвал его граф. – Берите не мешкая. В письмо ко мне запечатано, – и, заметив, что руки у подчиненного дрожат, сам пошел к пологу в шатер, чтоб задернуть. Лишние глаза тут не нужны.

Между тем Потемкин держал конверт и не знал, как сломать печатку. Потом все-таки справился, развернул лист, строчки поплыли перед глазами. Успел прочесть начало и конец. Ничего не понял. Голова шла кругом.

Не обращая внимания на Румянцева, сел. Это надо же так забыться!

Старик с добродушной усмешкой наблюдал за ним из угла. Ждал, пока Григорий перечитает.

– Мне, батюшка, надо большое донесение в столицу отправлять. Поедете с докладом, – наконец сказал он. – Вижу, пора расставаться.

Грица качнуло. Ничего такого в письме не было. Его никто никуда не звал.

– Поезжайте, – молвил граф. – Даже если обманетесь, хоть моим приветом передадите. Оба уже знали, что не за приветами едет генерал.

Глава 4

Орел в клетке

Мраморный дворец князя Григория Орлова остряки именовали Эскуриалом. Он годился не для балов, а для рыцарских процессий с факелами. Квадратное здание прогибалось под собой набережную, и она стонала, не в силах вынести такую тяжесть. Но строгая каменная отделка предавала его облику ясность и торжественную грусть.

Язык не поворачивался назвать эту усыпальницу домом. Помпезный, холодный склеп, куда снесли останки бывшего фаворита и запечатали, не заботясь о том, что человек еще жив.

Жив... хотя сам в этом не верен. Ходит по пустым залам, задавая себе вопрос: «я ли? Со мной ли?»

О таком ли доме он мечтал? Нет – о шумном, веселом, с низкими тесовыми потолками, с кучей детей, со сворами легавых и запахом блинов по утру. О таком, как был у его отца Григория Николаевича и матушки Лукерьи Ивановны, где росли пятеро своих лоботрясов да еще кормилось с десятков дворовых и соседских ребят. То был дом! Старый, осадистый, весь в лопухах и зарослях смородины. То был дом! Полная чаша. Всякий ему гость, всякому он защита.

И в Питере имелся такой теремок. У ближайшей родни – Зиновьевых. Матушкин брат Николай Иванович наплодил целый клан – хлебосольный, разгульный, с молодецкой удалью и с нехитрыми добродетелями. Семьища, которую Гришан обожал и которой был предан всеми потрохами.

Николай Иванович служил помаленьку, а когда племянники полезли в гору, оперился, стал генерал-поручиком, сенатором и даже столичным обер-комендантом. Чины немалые. И все бы хорошо, кабы не умер прошлый год, а за ним и жена побегала. Сыновей они уже подняли – по нынешней войне все пятеро далеко. А вот дочка Катюша – девица на выданье. Гришан не сразу осознал, что теперь забота о сироте – его дело. Он самый старший в семье.

Ох, и не любил Григорий быть крайним. Не терпел ответственности. Тем более за других. А тут такой деликатный случай. Катюша, она ведь общая любимица. Одна девочка на десятерых братьев, родных и двоюродных. Тут тебе никто не поможет, а спросить спросят, все девять, с пристрастьем.

Князь Орлов взялся за дело основательно. Отправил в дом Зиновьевых своего управляющего женева Пикте, велел барышню немедленно перевезти в Мраморный дворец, устроить, как принцессу в заколдованном замке. При ней непременно иметь мадаму средних лет, по происхождению лифляндскую немку, с хорошими рекомендациями и отменно некрасивой наружностью. Последний пункт важен. Девице жить в доме у молодого мужчины, тут Гришан крикнул и глянул на себя в зеркало, с известной репутацией, в подробности вдаваться не стал, а потому мадама здесь – первое дело.

Свалив заботы на Пикте, Орлов забыл о Катюше – других ему дел нет? – и вспомнил о ней, только через пару месяцев, когда лицом к лицу столкнулся в гулких комнатах Мраморного дворца. Он бродил. Она бродила. И никак не могла отогреть озябшие руки.

– Странный у вас дом, братец, – молвила девушка. – Двести пятьдесят человек челяди, а тихо, как на кладбище. И пусто. Где они все?

– А их дворец сожрал, – ни мало не смущаясь, ответил Гришан. – Он голодный. Кто в него ни войдет, всех в стены затягивает. Скоро и нас с вами съест.

Зиновьева взвизгнула.

– Вы это правда?

Орлов кивнул и, больше не обращая на нее внимания, побрел дальше. Он и сам не знал, правда ли, нет ли? Минутами казалось, что правда. Наплывала на него какая-то чернота, и Григорий плохо понимал, кто он, где находится, что вокруг.

Как случилось, что они с Като, десять лет прожив вместе, вдруг стали одиноки? Осиротели. И хоть были рядом, не могли больше протянуть друг другу руки. Куда девалось то большое чувство, в котором, мнилось, можно искупать весь мир? Они им захлебывались, пили и все равно еще оставалось напоить других. А потом оно ускользнуло через трещину в сухой земле. Смерзлось. Сколько не давил из себя Гришан, все получалось по чайной ложке на великие праздники.

После переворота он очень хотел жениться на Като. Братья за это стояли горой. Она, казалось, тоже не возражала. «Подождем коронации, – был ее ответ. – Если все толки к этому времени улягутся и дворянство поддержит... Поверь, ничего на свете я не желала бы больше...»

И он поверил. В сущности выбора не было. Шаткое время. Один неверный шаг – и голова в кустах. Никто не любил Петра III, но его смерть отпугнула от Екатерины и Орловых даже рьяных сторонников.

Москва приняла их холодно. Много колокольного звона. Но чудилось, то Архангельский собор сбивался с благовеста на погребальный, то Иван Великий – на набат. Духовенство старалось каждую приветственную речь обратить и к Екатерине, и к Павлу, будто они – нераздельное целое и короновать их надо вместе. Не вышло. Эти поползновения императрица пресекла в корне. Она – государь. Это – ее наследник. И никак иначе. Первый бой был выигран.

На втором ждали подвохи. В Первопрестольную по случаю коронации съехалось дворянство. В сущности, оно собиралось туда ради Петра, да тот затянул, преставился. Като медлить не стала. Она несла свою корону – шедевр ювелира Позье – гордо и непринужденно. А вечером призналась: шея не вертится, столько бриллиантов и жемчуга зараз может поднять только императорская голова.

– Ну, все, – сказала Гришану возлюбленная. – Теперь я это Я. Никто мне больше не помешает.

Но едва пошел слух, что государыне угодно венчаться, все благородное сословие вознегодовало, как один человек. Орловых клеймили захватчиками, убийцами, выскочками и диктаторами. Говорили, что от них пора спасать Отечество. Вскрылось несколько заговоров в гвардии с целью убийства еще вчера всеми любимых братьев. В делах замелькали имена недавних соратников: Рославлев, Ласунский, Хитрово. Что творила солдатня, и не сказать. Под Иверскими воротами сорвали портрет императрицы. В толпе среди шума приветственных криков нет-нет да и слышалось: «Шлюха!», «Анафема!», «Вавилонская блудница!».

Екатерина дрогнула, просила его обождать. Нельзя было настаивать. И все же братья давили на нее. Не столько сам Григорий, сколько Алесей. «Еще немного, и она сдастся. Сейчас или никогда!»

Вышло никогда. Они перегнули палку. Като не следовало загонять в угол. Она решила дело резко и круто. Собрала Государственный совет и заставила всех его членов поименно высказаться, «за» они или «против» ее второго брака. Господа советники мялись, что-то мямлили, пока не встал Панин, не выпрямился во весь рост и не заявил, срывающимся голосом:

– Русская императрица делает что хочет, но госпожа Орлова не будет русской императрицей.

И все. Слово сказано. Увидев, что Екатерина не возражает и даже как бы благосклонно кивает, остальные вельможи приободрились, встрепенулись и пошли честить заносчивых братьев на чем свет стоит. После сами удивлялись, откуда храбрость взялась? Не иначе из ободряющей улыбки государыни.

На красных атласных обоях кабинета, где заседал Совет, осталось пудренное пятно от парика Панина, который в момент своей знаменательной речи дернул головой и стукнулся затылком о стену. К этому-то пятну, как к реликвии, стали прикладываться головой сановники перед докладом императрице, чтобы, так сказать, набраться гражданской смелости и говорить царю правду в глаза. Их ребячество показалось Като излишним, последовало приказание перекрыть стены зеленым штофом. Ведь она и так готова выслушать даже самую горькую истину.

Что было между ней и Орловым в те дни, оба вспоминали с душевным скрежетом.

– Ну и кто я теперь? – сказал Гришан вечером, когда вволю накричался и натопался ногами.

– А кем ты был всегда? – с неожиданным ожесточением отозвалась женщина.

Отчуждение, которое разделило их тогда, потом всякий раз воскресало в моменты ссор. Страшно сказать, но они так и не простили друг другу той самой первой измены, неизвестно кем из них совершенной раньше. Като ли, когда она отказалась от него как от мужа? Им ли, когда он навязывал ей себя, зная, что толкает любимую в пропасть? Десять лет их маленькая семья жила с этой трещиной внутри. С каждым годом она разрасталась, раскалывая с виду крепкий кристалл.

Григорий запил. Потом вышел из запоя и начал играть свою роль с максимальным презрением к окружающим. Ничего достойного в его положении не было. Временщик. Случайный вельможа. Куртизан. Тот, перед кем все заискивают в лицо и кому метко плюют в спину. Даже если сделает что-нибудь стоящее, все равно не поверят.

Потому Гришан и не делал. Лень – его вторая натура – расцвела пышным цветом. Бумажная работа была противна естеству Гри Гри. Другое дело что-нибудь громкое, героическое, для чего нужен натиск, быстрота, решимость. Мелочные заботы, в которых погрязла Екатерина, убивали в нем пыл. Она очень изменилась, эта женщина. Стала властной, резковатой. Сильно уставала. И казалось, не прощала ему безделья. Ну хоть бы чуточку помог!

Наконец, стряслась настоящая беда. Запылала Москва. Та самая Москва, которая отказала ему в руке Като. Надо было сказать: поделом. Но Гришану виделся совсем другой город. Тот, что качал его в детстве на речных волнах. Кормил зеленым крыжовником. Грел босые ноги в теплой пыли летних улиц. Тот, в котором сорок сороков да еще один. И где красный облупленный Кремль позабыт-позаброшен. Где сладко горят медовые купола. Где разрывается сердце от счастья при виде покосившихся ворот Спасской башни и хочется смеяться от веселого уродства Кутафьей.

Нет, всего этого нельзя было отдать ни чуме, занесенной с юга в трофейных тюках турецких шерсти, ни разъяренной толпе мятежников, грабивших город скорее с перепугу, чем по злему умыслу.

Началось просто. Зараза из Суконного ряда тонкими нитями опутала Москву, как веретено. Правительство хватилось поздно. Более пятидесяти тысяч уже было зарыто в садах и подвалах домов. Люди боялись, что соседи, проведая о болезни, прибегут жечь их хибарки. И лился невидимый яд, отравляя воздух, воду, древесину, камень... Только огонь мог ему противостоять. Огня Москва смертельно боялась.

Те, кто победнее, выбрасывали умерших прямо на улицы, а утром страшная чумная стража – мортусы – в клювастых масках и навощенных плащах крючьями сгребали свой ночной улов и жгли его на пустырях. Для этой адской работы из тюрем выпустили колодников, обещав им прощение.

Толпы больных потянулись к чудотворной Иверской иконе, несли последние гроши и жертвовали в денежный ящик под воротами. Архиепископ Амвросий, тот самый, что когда-то дал Потемкину пятьсот рублей на дорогу в Питер, испугался заразы. Больные вместе со здоровыми, женщины, грудные дети – все идут, все дышат одним воздухом и держатся друг

за друга, все хотят приложиться если не к самой иконе, так хоть к камням под ней. И каждый трется руками о проклятый денежный ящик. Убрать! Немедленно убрать! И ящик и образ. Запретить сборища!

Но толпа не далась в обиду. Мигом стали выворачивать доски из деревянной мостовой, жердины из заборов. Солдаты дрогнули, побежали, насили под барабанный бой отступили в Кремль. Разъяренные жертвователи с криками: «Богородицу грабят!» – повисли на мосту, не давая воротам закрыться.

Из крепости с небольшим отрядом выскочил генерал-поручик Еропкин, самочинный губернатор Москвы, покрутился на коне, помахал саблей, разогнал ближних смутьянов – и в Кремль. Не было у него сил противостоять всему городу. Как он вообще здесь оказался?

Жил себе в отставке, в имении, пил с женой чай, хоть и не стар, а изранен, устал прежде времени. Вдруг свои крепостные вернулись из города раньше срока: «Страшно, барин, торговать. Еле ноги унесли! Главнокомандующий Салтыков бежал, обер-полицмейстер Юшков тоже. Нет в Москве власти! Солдаты не знают, кому подчиняться».

Еропкин закручинился. Выходит, он во всей губернии старший по званию? Перекрестился, вынул мундир из сундука, шпагу надел, ордена повесил. Жена в слезы. Красивый, статный, как в былые годы, худой. Неужто в последний раз видятся? Бог не без милости. И уехал. Только пыль за околицей осела.

Всю дорогу соображал, как подчинить себе солдат и тех офицеров, кто еще остался. А они ему едва на шею не кинулись: наконец, прислали им командира. Еропкин не стал говорить, что он сам себя прислал. Ни к чему это в нынешнее смутное время. Установил карантин, открыл госпитали. Потихоньку дела пошли на лад, а тут заварилась драка у Иверской!

Толпа с воротами сшиблась, отхлынула. Она ведь не головой думает. Развернулась. Огляделась, и повлекло ее в Чудов монастырь, где скрылся Амвросий. Потом говорили: если бы архиепископ вышел с крестом, да обратился к верующим, люди бы его послушали. Но нет людей в страшный час. Мятежники ворвались в храм, нашли старика на клиросе – не храбр был Амвросий, спрятался за иконами – сбросили вниз и били, рвали на куски, кромсали ножами, вымещая свой ужас перед чумой. Потом сытые кровью разбрелись по монастырю, грабили, обдирали ризы, рубили образа топорами и жгли, будто только что не мстили «за обиду Богородицы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.